
Е.А. Шинаков

ПЛЕМЕНА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ НАКАНУНЕ И В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА*

IX век, особенно его первая половина, — один из самых «темных» периодов в истории Руси. Это связано с состоянием всех видов источников: в принципе — с проблемой их наличия, достоверности и тенденциозности их информации, степени применимости к конкретному региону и отрезку времени. Но это один из важнейших периодов в русской истории, т. к. именно тогда начинаются те процессы формирования потестарно-политических структур, которые в конце X в. привели к образованию Древнерусской державы этапа раннего государства (в трактовке этого термина К. Поланьи, Г. Классена, П. Скальника, Л.Е. Куббеля, Н.Б. Кочаковой и др.).

Скудность, противоречивость (точнее, способность быть основанием для разнонаправленных интерпретаций), разнохарактерность традиционных (письменных, а в последнее время — и археологических) источников стала общим местом историографии. С точки зрения структурно-процессуалистского подхода, применявшегося в отечественной историографии лишь при исследовании африканских, «восточных», индейских структурированных обществ, но никак не Руси¹, может иметь определенную ценность еще меньшее их количество. Сразу оговоримся, что чисто этно-идентификационный (и этно-

* Данная публикация представляет собой переработанный вариант статьи: *Шинаков Е.А.* Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования древнерусского государства // Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика. СПб., 2000. С. 303–347.

¹ Определенное, да и то скорее внешнее, «терминологическое» исключение представляют некоторые работы Е.А. Мельниковой и Н.Ф. Котляра: *Мельникова Е.А.* К типологии предгосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995; *Котляр Н.Ф.* О социальной сущности Древнерусского государства IX — первой половины X вв. // Там же.

локализационный) подход может играть роль средства, но не главной цели. К последней же можно отнести в первую очередь установление (со степенью вероятности, определяемой информативными возможностями источников) форм, этапов, истоков и тенденций развития конкретных позднеспетарных (а также спетарных, акефальных и спетарно-политических) структур Восточной Европы на потенциально древнерусской территории в синхронном (но не синхростадиальном) срезе.

Главным источником до сих пор остается космографическое введение к «Повести временных лет», часть так называемой варяжской легенды, повести об отдельных князьях Руси и их отношениях со славяно-финскими племенами (особенно — описание «древлянско-го восстания» и его подавления). Основной плюс этой информации — фиксация этнонимов и их точных географических привязок, отчасти версий их расшифровки и генеалогических и топонимических легенд. Характер спетарных отношений реконструируется по скудной терминологии, поведенческим стереотипам лишь для некоторых этноспетарных организмов. Самый же главный недостаток — большое хронологическое расстояние (100–250 лет) между событием или ситуацией (середина IX — конец X в.) и временем его записи (с середины XI в. по начало XII в.). Неизбежна поэтому модернизация социально-политической терминологии и даже прямой перенос некоторых явлений и ситуаций раннего государства рубежа XI–XII вв. не только на хронологически, но и стадиально более ранние этапы политогенеза. Следовательно, необходим текстологический и ситуативный анализ в каждом конкретном случае, вызывающем подозрение в модернизации ситуации или явления.

Авторы летописей не скрывают (чаще подчеркивают) прямые заимствования описаний событий и их датировки из византийских источников (хроник Продолжателей Феофана и Амартола прежде всего), что, впрочем, не затрудняет, а облегчает анализ и придает летописям большую достоверность. Обратная ситуация складывается с реальным или гипотетическим использованием в некоторых случаях библейских стереотипов описания². Кроме того, нельзя исключать (хотя нельзя и постулировать без веских оснований) возможную сознательную тенденциозность древнерусского летописания как составной части ран-

² *Барац Г.М.* Происхождение летописного рассказа о начале Руси. Киев, 1913; *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–X в. М., 1995. С. 25–40.

несредневековой славянской исторической мысли, подверженной этой особенности³.

О событиях ранней русской истории повествуют, в основном, поздние западнославянские историки, в частности, Ян Длугош (XV в.), один из первых создателей «поляно-русской концепции» становления Руси. Однако, даже с учетом того, что он основывался на недошедших до нас русских летописях, созданы они были позднее ПВЛ⁴.

Болгарская литература, при всем ее влиянии на древнерусскую⁵ не содержит в немногих сохранившихся или реконструируемых фрагментах никаких данных о потестарно-политических структурах и процессах Восточной Европы IX–X вв.

В то же время, именно последним посвящены несколько глав труда византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей»⁶. Характер работы (секретная инструкция сыну-наследнику престола) и ее одновременность описываемым реалиям делают ее, пожалуй, самым ценным и достоверным письменным источником по ранним этапам древнерусской государственности. Статус автора и фиксируемые источниками тесные торговые, военные и политические контакты Византии и Руси с большой долей вероятности заставляют отвергнуть предположение о недостатке информации и информаторов. С одной стороны, взгляд как бы «сверху», с точки зрения главы зрелой и древней государственности, обладавшей развитой политической культурой, мог, в принципе, заставить Константина несколько модифицировать потестарно-политические отношения и структуры Восточной Европы, но, судя по контексту, этого не наблюдается. С другой стороны, несколько архаизирующий оттенок мог придать описанию варваров так называемый «армейский расизм» ав-

³Щавелева Н.И. Тенденциозность средневековой историографии (на примере хроники Винченца Кадлубка) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978; Лантева Л.П. Вымысел и фальсификация в чешских хрониках XII–XIII вв. // ВЕДС. М., 1993.

⁴Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. Москва; Иерусалим, 1997. С. 87; Петрухин В.Я. Походы Руси на Царьград: к проблеме достоверности летописи // ВЕДС. М., 1997. С. 214.

⁵Из последних специальных работ: Горина Л.В. Византийская и славянская хронография (существовал ли болгарский хронограф?) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991; Турилов А.А. Византийские и славянские пласты в «Сказании инок Христодула» // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6.

⁶Характеристику зарубежных источников по истории Древней Руси, а также тексты см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1999; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Сост. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, А.В. Подосинов. М., 2009–2010. Т. I–V.

тора⁷, однако этому противоречит, как уже говорилось, сам характер труда-инструкции, справочника.

Хазарские источники не столько повествуют о структурах восточнославянских потестарно-политических организмов и взаимоотношениях между ними, сколько по-новому освещают длительность, степень и характер собственно хазарского политического воздействия на некоторые из этих структур (две редакции «Ответного письма кагана Иосифа» и так называемый Кембриджский документ (или «Письмо Шехтера») в сопоставлении⁸.

Аналогичный комплекс сведений (характер скандинаво-славяно-финских [бьярмских] взаимодействий, преимущественно военно-политических) додревнерусской эпохи (или, во всяком случае, до раннего государственного этапа) содержат скандинавские саги и поэзия скальдов. Это, прежде всего, «Отдельная сага об Олаве Святом», «Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна» и «Бандадрапа» Эйольва Дадааскальда (с пространным пересказом ее в «Саге об Олаве, сыне Трюггви»). Недосток саг — поздняя, в XIII–XIV вв., их запись, — не мог не исказить сведений и не наложить «модернизаторский» отпечаток. Сказывается также не историко-хроникальный, а литературно-эпический их характер⁹. Добавим к этому очевидное влияние отдельных фрагментов русских летописей («Сказания о крещении Руси», например, на «Сагу об Олаве Святом») и византийской (а через нее — античной) литературной традиции (описание сицилийских деяний Харальда Гардрода в одноименной саге).

Знаменитые «Бертинские анналы», кроме одного из первых свидетельств скандинаво-хазарского влияния на восточнославянское общество, не дают ничего для характеристики структуры последнего. Из западноевропейских латиноязычных источников особое значение тесной контаминацией его данных с полуполюгендарными сведениями саг

⁷ *Ahrweiler H.* L'idéologie politique de l'Empire byzantin. P., 1975. P. 35–36; *Литаврин Г.Г.* Политическая история Византии с середины VII до начала XIII в. // Культура Византии. Вторая половина VII–XIII в. М., 1989. С. 78.

⁸ *Кокорцов П.К.* Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X в. // ЖМНП. 1913. XLVIII. Ноябрь; *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы; *Цукерман К.А.* Византия и Хазария в середине X в.: проблемы хронологии // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6.

⁹ *Стеблин-Каменский Н.И.* Мир саги. Л., 1971; *Гуревич А.Я.* История и сага. М., 1972; *Рыдзева Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. // ДГ. М., 1978; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 года). М., 1993; *Древнерусские города в древнескандинавской письменности* / Сост. Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон. М., 1987; *Мельникова Е.А.* К вопросу о характере исторической информации в древнескандинавских письменных источниках // ВЕДС. 1990.

имеет «Житие св. Ангария» Римберта, написанное через 20–25 лет после описываемых в нем восточнобалтийских событий и реалий¹⁰.

Анализу восточных (мусульманских) источников в вышеуказанном (структурно-процессуалистском) контексте посвящено несколько работ автора¹¹. Главный вывод, основанный на контент-анализе текстов (в переводах А.П. Новосельцева, А.Я. Гаркави, И.Ю. Крачковского и др.), повторяет лежавший на поверхности еще в XIX в. (Х.М. Френ, А.А. Куник, В.Р. Розен, Ф. Вестберг), но основательно «забытый» с середины XX в.: при описании «русов» и «славян» восточные авторы имеют в виду разные не только в социальном, но и в этническом плане общности. Новое заключается в выводе о более высоком потестарно-политическом уровне развития «славян», чем «русов» в середине IX в., а также в подробном структурно-статистическом анализе обеих общностей. Достоинства восточных источников — в их хронологической одновременности описываемым реалиям и явном отсутствии заинтересованности в сознательных искажениях, недостатки — в неточности и спорности этнических локализаций, возможном получении информации из вторых рук, влиянии стереотипов описания (литературных традиций).

Разнородный и в целом небольшой корпус письменных источников еще более сокращается, если учесть специфику их объекта. А это, прежде всего, — «верхушка айсберга» — «империя Рюриковичей» второй половины IX–X в., потестарно-политический организм, переходный между простыми вожествами и ранней государственностью. Форма этого потестарно-политического организма — в вертикальном плане — двухуровневое государство, верхний («федеральный», «имперский») уровень которого образует правящая военно-торговая корпорация «Русь», нижний — князья, вожди, старейшины отдельных подчиненных ей субгосударств — территориальных вожеств-княжеств и протогородов-государств. В итоге перед нами сложная с точки зрения типологии система разных протогосударственных организмов, обладавших своей спецификой. Верхний, наиболее полно освещенный письменными источниками, уровень власти интересует нас в наименьшей степени, как по вышеуказанной причине, так и по-

¹⁰ *Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIV вв. // *Славяно-русские древности*. Л., 1988. Вып.1. С. 47–49; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги Восточной Европы (первая треть XI в.). М., 1994. С. 152.

¹¹ *Шинаков Е.А.* Русы IX — середины X в. (контент-анализ восточных источников) // *Чтения памяти А.В. Арциховского*. Москва; Новгород, 1988; *Он же.* «Русы» и «славяне» IX в.: контент-анализ восточных источников // VI Международный конгресс славянской археологии. М., 1990.

тому, что именно политические процессы внутри него связаны с формированием общерусской государственности, а она не является предметом данного исследования¹².

В то же время, процессы самостоятельного развития отдельных суборганизмов, отчасти «вторичного», под влиянием того или иного военно-политического или торгового контрагента Руси, продолжались и в составе этого государства, приводя иногда к полной самостоятельности или возобновлению зависимости от «третьей силы». На периферии Руси формирование вождеств разных типов и их перерастание в более высокие потестарно-политические организмы не прекращалось и в конце IX — X в., стимулируясь или тормозясь вхождением в состав относительно единого государства. Эти процессы фактически остались «за кадром» летописей и иностранных источников, однако не могли не найти отражения в более многозначных, сложно интерпретируемых, но и более объективных данных археологии, нумизматики, эпиграфики.

Опыты комплексного применения данных разных типов источников к истории Руси имеются, как и попытки выхода на уровень социально-политического анализа на базе преимущественно археологических материалов (Б.А. Тимошук, В.Я. Петрухин, Т.А. Пушкина, Е.А. Мельникова, А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев, И.В. Дубов). В масштабах всех славянских племен выделяются масштабом обобщающие исследования В.В. Седова¹³.

Методика использования археологических источников с целью выявления признаков («знаков», «сигналов») тех или иных элементов, этапов, линий процесса государствообразования и форм потестарно-политических организмов была разработана автором в 1993 г. Кратко ее суть такова: берутся хорошо изученные по материалам письменных источников и этнографии общества с четко выявленными структурами и процессами, определяются их типовые археологические признаки, проверяется их «работа» на нескольких внешне типологически схожих и синхростадиальных объектах, затем определяется степень выраженности этих признаков в том или ином регионе и микроре-

¹²Поэтому, например, в списке источников не упомянуты такие известные, но посвященные исключительно руси (росам) как народу, произведения, как жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, «Беседы» патриарха Фотия и ряд других.

¹³Следует также отметить его дискуссионные выступления, вызвавшие неоднозначную реакцию, прежде всего, историков-русистов по поводу возможностей археологии в их сфере: *Седов В.В.* Восточнославянские племенные образования и земли Древней Руси // ВЕДС. М., 1998; *Он же.* Этнокультурная дифференциация славян в период великого переселения народов // Славяне и их соседи. Межславянские взаимоотношения и связи. М., 1999.

гионе Руси. Например, для этапа вожеств только археология (временно без привлечения данных иных нетрадиционных источников) может дать «знаковые» сведения о наличии центров власти (княжеские или племенные «грады»), выявить нумизматические источники (которые далее «работают» отдельно), определить наличие и конфигурацию этнокультурных и потестарно-политических границ, наличие социально-ранговой и (для Руси) — социально-этнической дифференциации внутри регионов, выявить следы этнокультурного и, возможно, политического воздействия соседних государств, наличие путей и пунктов дальней международной торговли («виков»). Для более позднего этапа появления «сложных вожеств» и сложносоставного (в «двухуровневой» форме) варварского государства под эгидой летописной «руси» — археология помогает выявить опорные пункты последней («погосты», «станы»), направления ее продвижения, изменения направления движения монетных потоков и изменения границ между Русью и славянами.

В плане использования археологических источников можно отметить два достоинства и одновременно недостатка последних. В отличие от письменных они абсолютно объективны и непредвзяты, свободны от сознательных искажений, их набор «случаен», что, однако, предполагает возможность многозначных трактовок на уровне исторических обобщений данных археологии. Корпус археологических источников пополняется непрерывно, и новые материалы могут, как дополнить и подтвердить, так и существенно изменить и даже опровергнуть сложившуюся ранее картину. Приходится признать: отсутствие того или иного археологического признака не всегда адекватно отсутствию отраженного им элемента структуры или процесса — многое зависит от степени изученности территорий. Определенную роль играет и качество, и направленность исследований. Однако вышеприведенные факторы еще больше усиливают значение и вес наличия того или иного археологического артефакта, исключая возможность случайности его появления при целенаправленных обследованиях территорий. Другими словами, наличие археологического признака — факт, его отсутствие — не обязательно факт. Наиболее перспективным представляется выделение типов поселений и их археологических признаков, затем «отработка» этого метода на практике посредством целевых археологических исследований.

Нумизматические источники, имеющие — отчасти по способам их получения — отношение к археологии, составляют, однако, отдельный тип, причем, с учетом особой роли международных торговых пу-

тей для государствообразовательных процессов в Восточной Европе IX–X вв., особенно важный и достаточно объективный. Возрастание роли нумизматики связано не только с обнаружением новых материалов, но и (главным образом) с новыми методиками исследования «старых» кладов. Здесь следует отметить, в первую очередь, методы исследования состава клада и их датировок, а также реконструкции монетных потоков, использованные А.В. Фоминым. Важна в данном аспекте контаминация последних с конкретно-политическими событиями, а не факторами торгово-хозяйственного развития. Другой, существенный в данной сфере исследования момент — попытка выделения для части Днепровского Левобережья («хазарско»-северянско-радимичского региона) X в. особой денежно-весовой системы, основанной на обрезанных в кружок дирхемах и «варварских» (хазарско-северянских?) подражаниях последним (А.В. Куза, В.В. Зайцев, Е.А. Шинаков). Границы распространения монет общерусской и «левобережной» систем могут соответствовать этнополитическим пограничьям X в., хотя многозначность нумизматических источников иногда приводит к прямо противоположным интерпретациям содержащихся внутри этих границ потестарно-политических организмов¹⁴.

Эпиграфические источники IX–X вв. находятся в теснейшей взаимосвязи с нумизматическими, т. к. основная часть буквенных, рисуночных и символично-геральдических знаков обнаружена в виде граффити на монетах: они исследовались Е.А. Мельниковой, А.В. Фоминым, В.Е. Нахапетян, И.В. Дубовым. Основные результаты: определение зон культурно-политического влияния в пределах Восточной Европы на ранних этапах ее политогенеза. Попытку достичь аналогичных результатов, но опираясь не на граффити на монетах, а на весовые нормы, их названия и письменные источники предпринимались А.В. Назаренко¹⁵ и О.И. Прицаком¹⁶, в первом случае с акцентом на баваро-германское, во втором — болгаро-хазарское направления связей.

Эмблематика, отчасти представленная в вышеописанном типе источников, приобретает и самостоятельное значение в плане определе-

¹⁴Топография «варварских» подражаний дирхемам совпадает с предполагаемой территорией позднероменского протогосударства (Шинаков Е.А., Григорьев А.В. О возможности существования государственности на территории позднероменской культуры X в. // Вівчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. Суми; Ромни, 1990). Ср. гипотезу о русском каганате: Седов В.В. Русский каганат IX в. // ОИ. 1998. № 4.

¹⁵Назаренко А.В. Происхождение древнерусского денежного счета // ДГ. 1994 г. М., 1996; Он же. К вопросу об отражении древнерусского права в договорах Руси с Византией X в. // ВЕДС. М., 1997.

¹⁶Прицак О.И. Два етюди з нумизматики Київської Русі // Історія Русі — Україна. Київ, 1998.

ния возможных истоков одной из этнопотестарных единиц Восточной Европы IX в., а затем «верхнего уровня» складывающейся государственности — летописной «руси». Слабый момент — не всегда происхождение эмблемы, символического знака той или иной общности детерминировано происхождением последней, а может носить случайный, вторичный характер. Определенное значение для уточнения этнопотестарной структуры отдельных вождеств и племенных образований могут иметь их предполагаемые эмблемы-тотемы, отраженные в мелкой пластике.

Не только символические, но и реально-потестарные моменты (объяснение происхождения власти и обоснование права на власть в ранних формах государственности и при ранних линиях государствообразования) могут отчасти прояснить этногенетические, генеалогические и топонимические легенды, отраженные в письменных источниках. Их изучение находится на стыке таких дисциплин, как фольклористика, этнонимика, топонимика, антропонимика, генеалогия. Их данные, в силу специфики источников и объектов исследований, представляются наиболее гипотетическими и в то же время — одними из самых перспективных в силу малого использования подобного рода материалов на широком сравнительно-историческом фоне. Следует отметить попытки уточнения гносеологических корней некоторых русских генеалогических легенд В.Я. Петрухиным¹⁷ и А.П. Толочко¹⁸, а также исследование древнейших славянских легенд и моделей власти, отраженных в них, выполненное А.С. Щавелевым с помощью структуралистских методик¹⁹. Среди фундаментальных исследований по антропонимике и этнонимике до сих пор первенствующее положение занимают работы Г.К. Валеева²⁰ и Г.А. Хабургаева²¹, с существенными дополнениями лишь по северянам²².

В области методики исследования мифов для реконструкции

¹⁷ *Петрухин В.Я.* Три центра Руси: фольклорные истоки и историческая традиция // *Художественный язык средневековья*. М., 1982; *Он же.* Начало этнокультурной истории.

¹⁸ *Толочко О.П.* «Князь-робичич» та «король-орач»: східноєвропейські паралелі до давньоруських генеалогічних легенд // *Старожитності Південної Русі*. Чернівці, 1993.

¹⁹ *Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.

²⁰ *Валеев Г.К.* Антропонимия «Повести временных лет». Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982.

²¹ *Хабургаев Г.А.* Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979.

²² *Багновская Н.М.* Сложные вопросы этнической истории летописной Северы (постановка проблемы) // *Проблемы истории СССР*. М., 1979. Вып. VIII.; *Щавелев С.П.* Этноним «северяне» и его историко-географические особенности в Курском Посеймье // *Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Западной России*. Москва; Брянск, 1996.

породивших их потестарно-политических реалий существенными представляются некоторые современные, этнологические в первую очередь, исследования, сделанные не на древнерусском материале²³. Интересны также принцип и методика установления степени контаминации между некоторыми типами обрядовых действий, свойств личности и ее «ценности», атрибутов того и другого с конкретными «моделями власти» и ее символами²⁴. В последних работах явно прослеживается последовательное применение сравнительно-этнографического и сравнительно-исторического методов, что позволяет разорвать «замкнутый круг» ограниченности источников и гиперкритического (наряду с полностью доверительным) к ним отношения.

В данном аспекте наиболее существенным является вопрос о степени корректности применения этих методов. Сравняться должны организмы, явления и процессы синхростадиальные²⁵, что отнюдь не обязательно предполагает их хронологическую одновременность и даже близость. Типологическая же однородность не означает обязательных контактов между потестарно-политическими организмами и даже их расположения в одних физико-географических зонах и географических регионах. Наоборот, «подчас общества, очень далеко отстоящие и территориально, и этнически, и хронологически — друг от друга, обнаруживают поразительную близость общественно-политических институтов»²⁶. Недопустимо типологическое сопоставление рядом расположенных, хронологически одновременных и даже достоверно контактировавших друг с другом организмов, если один из них относится к «первичным», а другой — «вторичным» государственным образованиям или «основным» и «периферийным» (по О. Шпенглеру и А. Тойнби) цивилизациям (так называемый «принцип Бэгби»²⁷). Существенны для «чистоты» сравнения является не только стадия развития общества, этап государствообразования, но и фаза

²³ *Окладникова Е.А.* Миф как символ власти // Символы и атрибуты власти. СПб., 1993; *Белков П.Л.* «Эпос миграций» в системе атрибутов традиционной власти // Там же; *Мельников А.С.* Отзвуки легенды о Палемоне в русском Хронографе // Курьер Петровской Кунсткамеры. 1997. Вып. 6–7.

²⁴ *Щепанская Т.Е.* Власть пришельца: атрибуты странника в мужской магии русских (XIX — начало XX в.) // Символы и атрибуты власти.

²⁵ *Ковалевский М.М.* Генетическая социология. СПб., 1910; *Он же.* Происхождение семьи, рода, племени, государства и религии // Итоги науки в теории и практике. М., 1914. Т. 10; *Маркарян Э.С.* Об основных принципах сравнительного изучения истории // ВИ. 1966. № 7.

²⁶ *Пауито В.Т.* Новое в изучении Древней Руси // Преподавание истории в школе. 1973. № 5. С. 16.

²⁷ *Bagby Ph.* History and Culture. N.Y.; L., 1958.

развития конкретного этапа (становление, расцвет, стабильность, кризис, упадок, переходный период²⁸).

Региональное деление потенциально древнерусской части Восточной Европы IX в. важно прежде всего в природно-хозяйственном и (более гипотетично) — потестарно (политико)-культурном аспектах. Для Днепровского Левобережья автор рассматривал эти аспекты в 1980 г.²⁹ и более четко, но кратко — в 1991 г.³⁰, наиболее последовательно и подробно — в 1996 г.³¹ Среднему Подесенью и отдельным микрорегионам в его составе были посвящены непосредственно полевые исследования автора специально в вышеуказанных аспектах и ряд информационных и аналитико-обобщающих публикаций.

Опыт глобальной историко-географической характеристики Восточной Европы в эпоху Древней Руси был предпринят в предварительной и весьма осторожной форме³². На основе обобщения данных археологической, прежде всего, историографии выделялось четыре зоны: северная (с Новгородом и Ростовом), западная (с Полоцком, Псковом, Волынью, Турово-Пинским княжеством), южная пограничная (Киевское, Переяславское, часть Галицкого княжеств) и юго-восточная (типологически промежуточная) с землей вятичей, частично — северян, Черниговом, Новгород-Северским, Рязанью, Москвой, Брянском. За пределами вышеуказанных зон оказывался «центр» — Смоленщина, земли радимичей, частично дреговичей. Во многом автор следовал укоренившейся в научной литературе традиции деления на Северную и Южную (в целом) Русь, Запад и Юго-Восток, хотя уже и не столь последовательно. Более внимательное рассмотрение материала под углом зрения этнологических концепций потестарности и последовательное сравнение с довольно широким кругом типологических аналогий, в том числе хронологически и территориально отдаленных, заставили автора отчасти изменить взгляды по этому вопросу.

²⁸ Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984. С. 9–12.

²⁹ Шинаков Е.А. Демография и этнография междуречья Десны и Ворсклы в конце X — первой половине XIII в. (Депонировано 29.12.1980 в ИНИОН АН СССР. № 6673); *Он же*. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X — первой половине XIII века. Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. М., 1980; *Он же*. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X — первой половине XIII века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1981.

³⁰ Шинаков Е.А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X — начале XIII в. (этнокультурный аспект) // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991.

³¹ Шинаков Е.А. О характере размещения населения на пограничье степи, лесостепи и леса в древнерусскую эпоху по материалам Левобережья Днепра // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. 1996. № 8.

³² Шинаков Е.А. Региональные различия в характере размещения населения в эпоху Древней Руси (опыт историко-географической характеристики) // Проблемы отечественной и всемирной истории. Брянск, 1998.

К настоящему времени вариативность регионов, основанных на разных ландшафтно-хозяйственных типах (не путать с хозяйственно-культурными типами), субстратах и направлениях экономических и этнополитических связей с разными формами потестарности и ее властных атрибутов и символики, представляется автору в следующем виде. Сначала дается обобщенная характеристика каждого региона с приведением наиболее близких аналогий. Образно говоря, это торгово-промышленый *Север* с сильной аристократией (о других деталях форм потестарности — ниже), основанной на родовом и «первопоселенческом» признаках и довлеющей в «государстве», «обществе» (в историческом смысле)³³, пронизанном отношениями правового регулирования. В итоге — города (в IX в., конечно, еще предгорода) — республики (с приглашаемыми правителями), господствующие и эксплуатирующие коллективно сельскую округу, и города «второго сорта» (пригороды). В этом аспекте структура их чрезвычайно напоминает более поздний, но синхростадиальный Бенин³⁴.

В *Север* по вышеуказанным показателям можно включать не только Новгород (ранее — Ладогу), но и Ростов с Суздалем³⁵, хотя там подобные тенденции были отчасти переломлены князьями, избравшими новой столицей именно «пригород» Владимир и опиравшимися через голову родовой аристократии на другие слои населения. Псков (отчасти Полоцк) можно отнести скорее к Северо-Западу. Они имели многие признаки города-государства, но не торгово-земледельческой, а полисной, «гражданской» формы³⁶. Разрыв между городом и сель-

³³ Еще К.Д. Кавелин обращал внимание на данный факт новгородской истории, отрицая наличие государственных начал вообще, вплоть до падения Новгорода (*Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт древней России (1847) // Наш умственный строй. М., 1989. С. 37, 39). Нам представляется это особой формой государственности, которая, однако, в изучаемый этап «вождеств» (и «аристократий») в зародышевом виде мало отличалась от эмбрионов иных форм, в том числе в дальнейшем четко монархических и «деспотических».

³⁴ Имеется в виду территориальное устройство, при котором все нити управления сходились в столицу, горизонтальных связей почти не было. Столица разделена на несколько кварталов по числу правящих четырех родов (дворцовый квартал-город) и неаристократических жителей (*Качакова Н.Б.* Рождение африканской цивилизации: Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея. М., 1986; *Бондаренко Д.М.* Привилегированные категории населения Бенина накануне первых контактов с европейцами // Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. М., 1993).

³⁵ Экономика последних могла базироваться на автономном земледелии, что роднит их с Бенином и отличает от Новгорода.

³⁶ Предложенная автором типология форм зрелой государственности и этапов политогенеза такова: *акефальное общество* (но не обязательно эгалитарное), *вождество* (не обязательно «монархия»), *общество переходного этапа* («сложные вождества», предгорода-государства, корпоративно-эксплуататорские и т. д. «государства», в том числе «дружинное»), *раннее государство* (почти все признаки государственности могут присутствовать).

ской округой была не столь ярко выраженным, чем в «деспотической» Москве или аристократическом Новгороде³⁷.

Таким образом, позднее, на этапе зрелой государственности, мы имеем нечто среднее между «полисной» формой и территориальным образованием. Дополнительным аргументом в пользу типологического единства Пскова и Полоцка является отсутствие в них древностей, связанных с «восточным путем», а также контаминированных с ним (до событий условно 862 г.)³⁸ древностей скандинавского происхождения (до второй половины IX в., а в Изборске и Полоцке — даже позднее). Последнее, вероятно, может свидетельствовать о «неучастии» восточной торговли в становлении этих городов³⁹ — они имели уже достаточно сложную структуру и до середины IX в.⁴⁰ Дальнейшие процессы можно не учитывать — они могут быть связаны с общерусским государствообразованием.

Впрочем, мы не включаемся в эту дискуссию, имея в виду другие цели. Приведем лишь один аргумент — этническое (а для ранних этапов политогенеза это равнозначно потестарному) сходство населения Поволховья, Ярославского Поволжья и Ростовской котловины, име-

На этапе раннего государства зачастую нельзя определить тип государственности (феодальный, восточно-деспотический, рабовладельческий, капиталистически-торговый) по причине отсутствия одного экономически господствующего класса, чью волю в разной степени исполняют «управляющие». Далее — *зрелая (сложившаяся, завершенная) государственность*, которая кроме вполне четкого типа, может иметь несколько «идеальных» форм: чиновничье-бюрократический и авторитарный (последнее не обязательно); феодально-иерархический; корпоративно-эксплуататорский; «двухуровневый»; общественно-религиозный; кастовый; «классический полис»; земледельческий город-государство; торговый город-государство; сложный (иерархический, «распространившийся») город-государство. Принцип классификации — комплекс признаков при выделении одного ведущего, «дающего лицо». Кроме того, перед нами, собственно, идеальные модели, которые в реальности часто переплетаются. Эта проблема решается введением (в условно-типологическом аспекте, конечно) одиннадцатой формы — сложного (сложносоставного в территориальном плане или сложного в типологическом смысле) государства. Многие из этих форм не только зародились, но и существовали в достаточно завершенном виде и на более ранних этапах политогенеза. Это позволило бы считать их пережиточными, если бы они не возрождались вновь и вновь не только в средневековье, но и в новое время как вторичные, как результат «творчества» более развитых государств.

³⁷В этом плане показательна так называемая «брань о смердах» 1483–1486 гг., показавшая степень готовности даже бедных псковичей встать на защиту своих неотъемлемых гражданских и экономических прав, в том числе права на эксплуатацию несвободных.

³⁸*Белецкий С.В.* Культурная стратиграфия Пскова // КСИА. 1980. Вып. 160.

³⁹Обоснованный в литературе Днепро-Даугавский путь существовал в X–XI вв.: *Музуревич Э.С.* Значение Днепро-Даугавского пути на территории Латвии // *Історія Русі-України*. Київ, 1998. С. 192.

⁴⁰*Тарасау С.В.* Сацьяльна-гісторычная тапаграфія Полацка X–XVIII ст. // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. Мінск, 1997. № 12. С. 233; *Седов В.В.* Работы в Изборске в 1984 г. // *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Псков, 1985.

ющего не только родственные (в масштабах наложившейся на него славянской колонизации) финно-угорские субстраты, но и суперсубстрат — словено-скандинавский, а не кривичский, как считалось ранее, в основном.

Итак, *Северо-Запад*, органично связанный с *Севером*. Влияние — скандинавское, связи — или дальние международные, или с ближайшими прибалтийскими соседями. Роль международной торговли — не причинная, как на *Севере*. Сильные балтский и финно-угорский субстраты. О предполагаемых формах потестарности — речь впереди.

Большой, но компактный и достаточно однородный, с равномерным размещением *Юго-Запад* включает древлян, волынян, хорватов, с возможным тиверско-уличским ответвлением к югу, в лесостепи и гилей вдоль рек. Основа хозяйства — земледелие; международная транзитная торговля не фиксируется письменными источниками⁴¹. Потестарная организация — типичные территориальные «вожества» без признаков тенденций развития к городу-государству, точнее — потестарно-политические институты более высокого (переходного) этапа, но логичные продолжения именно вожеств (княжеско-дружинные).

Мы говорим об этом достаточно уверенно, без сопоставления внешних «знаковых» проявлений этих институтов с более изученными аналогиями не без основания. Дело в том, что, если сведения самой ранней группы восточных источников (Ибн Русте и др.) относятся к восточным славянам, то только к юго-западной их части. Если же с восточными славянами их не контаминировать (а существует обширная чешско-польско-российско-украинская историография, сопоставляющая эти данные с реалиями Великой Моравии, или, по крайней мере, с промежуточной «Великой Хорватией») (Зличанско-Либицкой или Краковско-Карпатской), то даже этот факт показателен. Он как бы связывает политические реалии этих регионов и Юго-Запада восточного славянства и позволяет отчасти рассматривать потестарно-политические институты последних как типологически сходные с первыми⁴².

⁴¹ Впрочем, этими достаточно косвенными данными Й. Херрман, а затем А.Н. Назаренко постулируют наличие транзитного «баваро-хазарского пути»: *Херрман И.* К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» // *Древности славян и Руси*. М., 1988; *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. // *ДГ*. 1991 г. М., 1994.

⁴² Тем более, что для конца IX в., по крайней мере, четко не доказывается, но в историографии неоднократно постулируется факт не только влияния Великой Моравии на эти племена, но и включения некоторых из них в состав державы Святополка или Краковского княжества (см., например: *Новосельцев А.П.* Образование Древнерусского государства и его первый пра-

Юго-Восток — зафиксированная источниками зона влияния Хазарии. Спорен вопрос о его степени и территориальных границах, но анализ археолого-эпиграфико-нумизматических данных позволяет уточнить этот вопрос. О характере потестарности этой зоны и этапах ее развития — речь впереди, ибо, как раз в решение данной проблемы автору, как представляется, удалось внести некоторый вклад. Предварительно же можно безусловно включить в нее всех северян, вероятно, всех вятичей и, возможно, некоторую часть радимичей.

Остается *Центр* с осью по Днепру. Он наиболее разнороден, а в силу политического значения, хотя и наиболее освещен ПВЛ, но и наиболее «оброс» легендами, что требует самого осторожного и достаточно нового подхода. Сюда включаются поляне на его юге, смоленские кривичи на севере, дреговичи на западной окраине, часть радимичей и земли между ними на западе, смоленскими кривичами на севере, вятичами и северянами на востоке, полянами на юге — так называемое Подесенье.

Начнем с полян. Их генеалогические и топонимические легенды делают их самым древним и сильным племенем. Лишь один раз проскальзывает фраза «По сих же летех по смерти братъ сея быша обидимы Древля[на]ми и инеми околними⁴³. Такого рода легенда характерна для потестарных организмов, где степень причастности к власти определяется правами первопоселения (чаще это — земледельческие протогорода-протогосударства). Кроме того, данные о Кие, Щеке и Хориве могут косвенно отражать наследование от брата к брату, а добавление Лыбеди — еще право женского наследования. Археологические данные на период VIII — первой половины IX в. — отсутствие четкой иерархии городищ и выделение особо крупных, укрепленных и богатых центров, которые можно было бы связывать с князем и дружиной⁴⁴, не позволяют говорить о сложении общеполанской княжеской власти, а вопрос о государстве «ад-Дир» весьма спорен⁴⁵.

витель // ВИ. 1991. № 2–3). Допускается и более позднее влияние Чехии, по крайней мере, культурно-религиозное.

⁴³ПВЛ. С. 11. Именно эти сведения летописи полностью согласуются с данными археологии по второй половине VIII (после пеньковской культуры) — IX в., оставляя полянам узкую полосу Поднепровья между древлянами и северянами.

⁴⁴Более ранняя Пеньковская культура не в счет, ибо речь идет о предгосударственном периоде: даже если часть ее принадлежала полянам, то они явно сильно деградировали.

⁴⁵Точнее, сомнительной является не сама его личность, а время существования государства и этнический характер власти. Упоминания ад-Дира у ал-Масуди, автора X в., не дает никаких оснований для отождествления этого лица и известного по летописи князя Дира второй половины IX в. Возможно, именно этим (отсутствием объединения) объясняется быстрое исчезновение этого этнонима, поглощенного новым — русью.

Крупные и богатые дружинные памятники (некрополь Киева, Лепляво, Шестовицы, «Черная могила») (и черниговские дружинные курганы в целом), во-первых, более поздние, а во-вторых, созданы в основном не «туземцами», а пришлыми русами (о них пока речь не ведется).

Итак, до середины IX в. поляне — конгломерат земледельческих протогородов этапа (но не типа) вожеств. Последняя генеалогическая легенда о пришельце, иностранце, относится к весьма распространенному типу обоснования происхождения власти, особенно в государствах, созданных из отдельных равноправных частей⁴⁶. Но важно и иное: по этой легенде у полян не было княжеской власти со времен Кия, и Дир (с Аскольдом), явные находники-варяги, «стали править всей польской землей».

Дреговичи также сходят со страниц летописи и составляют, судя по названию, объединение по чисто территориальному⁴⁷, а не родственному или сакральному принципу. В последних случаях ранние потестарно-политические организмы более устойчивы. Летописец упоминает у дреговичей «свое княжение». Однако «своего» княжеского стола у них не зафиксировано. Часть их вошла в состав Полоцкой земли, на другой части образовался основанный, по легенде, также находником-варягом престол в Турове. Никакого сопротивления руси дреговичи также не оказали, что косвенно свидетельствует в пользу отсутствия у них политической организации и даже осознания своего этническо-сакрального единства.

Иное дело радимичи. Наряду с вятичами, летописная легенда подчеркивает их «родовое» происхождение в этимологии названия. Возможно, летописец XII в. не совсем верно понял радимичское и вятичское родовые предания о происхождении их предков (братьев Радима и Вятко) «от лехов» — западнославянских старейшин, т. е. их изначальную знатность, как их приход из Польши, «от ляхов». В таком случае еще более подчеркивается «аристократизм» (а не «монархизм») радимичской потестарной традиции. В их земле не было городов. Гомий, Прупой и Кречют были основаны, скорее всего, княжеской властью как крепости — опорные пункты с разных сторон их границ⁴⁸. При упоминании присоединения радимичей и ликвидации

⁴⁶Как правило, в одноосновных государствах — монархиях, или там, где есть один господствующий этнос-завоеватель (корпоративно-эксплуататорское) — правитель сакрализуется, и обосновывается его «небесное происхождение» (впрочем, как, например, в Бенине и Хазарии, только для подданных, а не правящей элиты).

⁴⁷Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет». С. 196–197.

⁴⁸Вероятнее всего, перед тем (или сразу после того), как Владимир решил ликвидировать ра-

позднее их «мятежа» не говорится ни о каких князьях (как при древлянском восстании, например). Но они выступают против Руси как единое монолитное целое, до середины XII в. сохраняют археологически фиксируемую этнокультурную специфику⁴⁹. Ни одного княжеского стола на собственно территории радимичей образовано не было, что косвенно свидетельствует об отсутствии у них и додревнерусских «вождеско»-княжеских традиций.

В силу этого, но при доказанном факте этнокультурной (в основе религиозной?) сплоченности радимичей и их организованного сопротивления вторжению войск Волчьего Хвоста, воеводы Владимира Святославича, можно предположить только одну форму потестарной организации⁵⁰ — религиозно-общинную. Возможно, здесь была отдельная каста жрецов, как у кельтов, лютичей, ранов, пруссов, но не исключено и совмещение сакральных и управленческих функций в руках родовой знати, как у поморян. Первый вариант предпочтительнее, ибо поморское общество в качестве дополнительного признака было основано на городах-субгосударствах, которые у радимичей явно не прослеживаются.

Радимичский погребальный инвентарь чрезвычайно богат артефактами, за которыми можно признать скрытое религиозно-символическое назначение. Отметим хотя бы привески-турицы, костяных уточек, разного рода соляные знаки. Именно радимичей христианская летопись ставит на первое место при описании языческих обычаев славян: «радимичи, и вятичи, и север один обычай имяху... схожахуся на игрища, на плясанье и вся бесовская песни (далее —

димичскую «буферную» зону между владениями своими и Ярополка, о чем говорит и дата — 984 г. Точка зрения о возникновении этих городов в результате самостоятельной колонизации радимичами Посожья (*Метельский А.А.* Становление Посожских городов Смоленской земли // *Старожитності Південної Русі*) представляется спорной в силу специфики и уровня развития радимичского общества. Гомий же, если и возник самостоятельно, то на окраине радимичской территории — как пограничная крепость и торговый центр.

⁴⁹ В фольклорно-этнографических материалах эта специфика прослеживается и в настоящее время. Так, праздник «Радуница», хотя и встречается во многих районах соседних Брянской и Гомельской областей, все же является обязательным атрибутом календарно-праздничных обрядов лишь в тех из них, где ранее проживали радимичи.

⁵⁰ Если только общество радимичей вообще не было еще акефальным, т. е. не имело никаких властных структур кроме, например, периодически собираемого народного собрания. Как показывает пример некоторых народов Северного Кавказа, и в этом случае иногда могло быть организовано длительное и стойкое сопротивление противнику. Даже племени-этнокосу (Ю.В. Бромлей), т. е. первоначальному, еще не социально-потестарному образованию, присуща единая военная организация, а явно «родовое» происхождение радимичей по легенде (от первопредка-первопоселенца) лишний раз свидетельствует в пользу их сплоченности, основанной, возможно, в отличие от дреговичей и полян, еще на кровнородственных связях, отраженных тотемами (бык-тур, например).

подробное описание языческого погребального обряда. — *Е.Ш.*)... Си же творяжу обычая Кривичи [и] прочии погани, не ведуще закона бо- жия, но творяще сами себе закон»⁵¹.

В данной гипотезе есть слабое место — там, где у власти стояли жрецы (у лютичей, пруссов) или жрецы делили власть с «вождями» (князьями, королями), как, например, в Ирландии или на о. Рана, всегда фиксируются святилища «общеплеменного» значения — Ретра, Ромов, Тара, Аркона. У радимичей таковые летописью не упоминаются и археологически пока не вычлениаются из другого рода памятников⁵². Впрочем, и поселения их, за исключением Гомия, изучены весьма плохо (основное внимание уделялось богатым курганным древностям). Исследования же последнего, проводимые О.А. Макушиниковым, позволяют подтвердить генетическое родство радимичей с северянами и вятичами, т. к. был обнаружен слой роменской культуры⁵³. Тем самым появились новые веские основания для выводов, сделанных ранее на основе анализа сходства и общих роменских корней женских украшений северян, вятичей и радимичей, — о принадлежности роменской культуры всем трем «племенам»⁵⁴. Это сразу, с одной стороны, выводит радимичей на проблематику Юго-Востока, в частности, хазарского влияния. А четко выраженный, в том числе на семантическом уровне, балтский субстрат и гипотетическое потестарное устройство, сближают радимичей с Северо-Западной зоной: в частности, с кривичами (что косвенно отражено и летописью)⁵⁵.

Кривичи однозначно (за исключением мнений Е.А. Шмидта и В.В. Енукова) считаются этносом, имеющим западнославянско-прибалтийское происхождение, с указанием на Висленско-Одерское междуречье, Мекленбург⁵⁶ или, конкретнее, на ареал суковской керами-

⁵¹ПВЛ. С. 11.

⁵²Впрочем, О.А. Макушиников пытается выявить таковые (*Макушиников О.А.* Основные этапы развития летописного Гомия (до середины XII века) // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990). Однако и они имеют максимум «племенное», а не «федеральное» значение.

⁵³Там же. С. 59.

⁵⁴Это не снимает иных гипотез — Верхнеднепровской (Г.Ф. Соловьева, В.В. Седов) и Висленско-Днестровской (Я. Тышкевич, Г. Ловмянский) о более раннем этногенезе радимичей, хотя бы потому, что славяне-роменцы не являются автохтонами своего региона, а в их украшениях четко прослеживается западнославянское влияние (*Шинаков Е.А.* Население междуречья Десны и Ворсклы).

⁵⁵В этом аспекте идея о тройственном характере роменской культуры иногда дополняется попытками присоединить к ней и кривичей, которые якобы расселились с юга на север вдоль Днепра (*Енуков В.В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990. С. 85–86, 172–173, 179).

⁵⁶*Седов В.В.* Начало славянского освоения территории Новгородской земли // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 14; *Он же.* Славяне в раннем средневековье. М.,

ки⁵⁷. Отмечается сильное западнобалтское промежуточное воздействие⁵⁸. Правда, некоторые исследователи⁵⁹ четко отделяют население Изборска-Пскова от кривичей, что не позволяет однозначно распространить этногенетические (прибалто-славянские и западнобалтские) построения, достаточно обоснованные для первых, на вторых (смоленско-полоцких кривичей), хотя В.В. Седов не менее убедительно доказывает обратное⁶⁰.

Единственной отправной точкой для характеристики потестарной организации кривичей до появления у них ранних городов-протогосударств (Псков — Изборск? — Полоцк⁶¹ — Смоленск) может стать их этническое имя, дополненное возможным этническим истоком их потестарных традиций. Этноним «кривичи» имеет балтское происхождение от «криве», «кривай»⁶². Позволим себе высказать предположение о его связи именно с формой первоначальной потестарной организации кривичей, т. е. до появления у них ранних [прото] городов-протогосударств и фиксируемой летописью княжеской власти (для Изборска и Полоцка — основанной полулегендарными «пришельцами»). Единственно, по нашему мнению, приемлемая этимология слова, сознательно присвоенного латгалами своим славянским соседям, и неосознанно, без понимания семантики, воспринятая русским летописцем, может восходить к западнобалтскому обозначению верховного жреца, обладавшего и высшей административной властью — Криве-Кривайтиса⁶³.

Другое дело, что теократия, стоявшая во главе протогосударства — религиозной общины, не обязательно была абсолютной. Возможна структура типа ирландской, когда «имперский», «федеральный»

1995. С. 216; *Белецкий С.В.* Культурная стратиграфия Пскова. С. 15. Разница между взглядами В.В. Седова и С.В. Белецкого — в определении времени и масштабов западнославянско-южнобалтского влияния. По Белецкому, оно хронологически совпадает со скандинавским и приводит к становлению Пскова как раннегородского центра на рубеже IX–X вв. и заменяет здесь латгалов как этникос.

⁵⁷ *Белецкий С.В.* Некоторые итоги археологического изучения Псковского городища. С. 10.

⁵⁸ *Петрухин В.Я.* Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства // ДГ. 1992–1993 г. М., 1995. С. 216.

⁵⁹ *Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978.

⁶⁰ *Седов В.В.* Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // КСИА. 1981 Вып. 166. С. 7–10.

⁶¹ Значение города как центра потестарной организации было так велико, что заменило старое племенное название «кривичи» на новое — производное от топонима («полочане», жители Полоцка и его округи).

⁶² *Хабургаев Г.А.* Этнонимия «Повести временных лет». С. 196.

⁶³ *Кулаков В.И.* Прусы (V–XIII вв.). М., 1994. С. 143, 151.

характер имела корпорация друидов, но в ячейках накинутой ими на всю страну сети помещались отдельные королевства-вожества⁶⁴. Допустим и лютичский вариант⁶⁵, только наоборот: последовательное размещение во времени потестарно-религиозной организации и княжений-вожеств; или прусский: постоянная оппозиция дружины и ее вождей («нобилей») возглавляемому Криве-Кривайтисом религиозному протогосударству⁶⁶. Конкретные культы, объединявшие всех кривичей (да и были ли они?), вряд ли восстановимы, хотя существует предположение, что это был «священный конь» и «богиня-мать» (или «богиня плодородия») ⁶⁷.

«Словене», «Новгород», «Рюриково городище», «Северная конфедерация», «Новгородское государство» — понятия взаимосвязанные, но не взаимозаменяемые. Вопрос об их соотношении давно является дискуссионным и явно не близок к окончательному решению. Нам важно установить потестарную структуру только словен (хотя и в состав гипотетической «Северной» или Новгородской «конфедерации», позднее Новгородской республики, входили и иные этнические компоненты, зато не все словене) до основания Рюриком (по летописи) Новгорода.

Данных же об этом фактически нет: прослеживается четкая родовая структура («вста род на род», хотя в Новгородской первой летописи — «всташа град на град»). Однако видимых противоречий в этих двух версиях нет — грады могли быть резиденцией правящей верхушки родов или, в зависимости от их размеров, — и всего рода. С учетом более поздней социальной структуры Новгородской республики и гипотезы В.Л. Янина и М.Х. Алешковского об образовании Новгорода можно предположить, что выделялись «благородные» роды, монополия на власть которых, как и у полян, обосновывалась правом первопоселения.

Что касается самого Новгорода, то его политическая история и структура вплоть до XI в. покрыта мраком неизвестности. С уче-

⁶⁴ Шкунаев С.В. Герои и хранители ирландских преданий // Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991.

⁶⁵ Ронин В.К., Флоря Б.Н. Государство и общество у полабских и поморских славян // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991. С. 117–118, 126.

⁶⁶ «... одно место, называемое Ромов... в котором жил некто по имени Криве, кого они почитали как Папу, ибо как господин Папа правит вселенской церковью христиан, так и по его воле и повелению управлялись не только вышеупомянутые язычники, но и литвины и прочие народы земли Ливонской...» (*Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской / Перев. и коммент. В.И. Матузовой. М., 1997. С. 51.

⁶⁷ Модестов Ф.Э. Амулеты-коньки и культ богини плодородия // Деснинские древности. Брянск, 1995. Вып. 1. С. 75–79.

том его топографии и потенциального развития, можно предположительно сопоставить ранние этапы его истории с таким земледельческим городом-государством, как Эдо, «расширившимся» затем до государства-мегаобщины Бенин⁶⁸. Схожи внешне атрибуты обоснования власти-легенды о трех братьях-первоправителях, о приглашении иноземной династии. Схожи территориальное устройство как столицы, так и всего государства. Однако имеются кардинальные различия в социальной структуре и в деталях оформления властных структур, системы правления.

Тем не менее, поразительное сходство внешних символов позволяет с определенной долей уверенности сопоставить довольно хорошо освещенные ранние страницы истории Бенина с политической историей и структурой Новгорода в конце IX — X в. как предположительно синхростадиальные и типологически, если и не однородные, то близкие: поселение «благородной» верхушки нескольких родов в одном центре, причем каждый из них сохранил связи и контроль над определенным участком сельской округи (ср. новгородские пятины и пять концов Новгорода); выбор правителей только этими «первопоселенцами», но не из своего состава; наличие в Эдо «черного» населения, проживавшего между «родовыми» кварталами, и позднее добившегося участия в управлении (башорун — глава ополчения, ср. с новгородским тысяцким); наличие на окраинах «пригородов» и колоний, подчиненных не одному из обладавших властью родов, а непосредственно правителю и его родственникам, а также вожеств-субгосударств (ср. с «пригородами» Новгорода — Псковом, Ладогой, обладавших своими органами управления, и «пермскими» княжествами, платившими дань в Новгород). Впрочем, в этих аспектах Новгород сближается с такими «сложными», первоначально торговыми, городами-государствами древности и средневековья, как Карфаген и Венеция, а также «земледельческая» держава ацтеков этапа «сложных вожеств» с особым статусом столицы. Сходство наблюдается и в характере политических процессов — это внутренние конфликты, разрешаемые путем борьбы, но в конечном итоге — компромиссами и реформами. В этом плане интересны ранние реформы Бенина, предоставившие часть «политических» прав представителям неблагородных родов, и отдавшие под их управление ополчение и часть «колоний». В Новгороде трансформация статуса тысяцкого и представляемых им слоев насе-

⁶⁸ *Бондаренко Д.М.* Привилегированные категории населения Бенина.

ления оказались как бы «за кадром» (исключая события 1088/1089 г., связанные с выбором тысяцкого на вече).

Существенные отличия (кроме социальных): механизм выборов и лишения власти правителя; характерное для потестарных традиций Тропической Африки религиозно-мистическое обоснование и атрибутированное оформление власти, статус монарха и территориальное расположение его резиденции. В Эдо дворец обы всегда находился в центре города, между родовыми кварталами и под их контролем, в Новгороде же аналогичный период был весьма краток (не весь XI в.). В этой связи важен статус Рюрикова городища, особенно на раннем этапе (до конца IX в.). Очевидно, что это резиденция предводителя одной из варяжских дружин и одновременно — торговая фактория-эмпорий⁶⁹, возможно подчиненная первоначально (до середины IX в.)⁷⁰ Ладоге. Однако и это городище, и сама Ладога связаны уже не со «славянской», а с «русской» проблематикой.

Известна точка зрения, что под «ас-сакалиба» восточных источников скрываются не только собственно славяне, но и другие, в первую очередь финно-угорские («чудские») племена Восточной Европы, контактировавшие с русами («ар-рус»). В то же время, по летописной традиции и археологическим данным, эти племена были тесно связаны со словенями, «подвергаясь» колонизации, прежде всего, последних (кривичи и вятичи явно уступали им в этом) и, входя вместе с ними в состав первоначального «Северного объединения»⁷¹, пригласившего русь, а затем отчасти и Новгородской республики (которая делила эту честь с Ростово-Суздальским и Муромо-Рязанским княжествами).

Что касается остальных, кроме «всех кривичей»⁷² и словен в составе гипотетической «Северной конфедерации», или, по крайней мере, летописных событий 859–862 гг.⁷³, то в литературе высказывались неоднократные и обоснованные сомнения в реальности участия в них

⁶⁹ Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 190.

⁷⁰ Затем именно Рюриково городище становится столицей одной из трех групп русов (по восточным источникам второй традиции — ал-Истахри, Ибн Хаукаль), причем временно главной. Город Салау (Слава) достаточно убедительно отождествил с Рюриковым городищем Е.Н. Носов (*Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. С. 192).

⁷¹ Впрочем, тот же Е.Н. Носов высказывает сомнение в реальности такого объединения или, во всяком случае, его долговременности и внутреннего равноправия в силу того, что «меря активно ассимилировалась славянами».

⁷² В Новгородской первой летописи именно «все» кривичи не упоминаются, зато можно понять, что к «новгородским людям» относились не только словене, но и кривичи и меря, хотя каждые из них и «свою волость имели» и «каждо своим родом владаше». Но в Ипатьевской летописи (в силу недопонимания и самостоятельного творчества южного летописца?) имеются намеки на самостоятельную политическую роль веси.

⁷³ Даты условны, некоторые данные позволяют удревить эти события на 6–9 лет.

не только не упомянутой в Новгородской первой летописи веси, но и чуди. Текстологически — начиная с А.А. Шахматова, обосновавшего (хотя сейчас это и подвергается сомнению) наибольшую древность сведений Новгородской первой летописи, отразившую данные «Начального свода». Логически — упоминание веси и чуди, а то и мери (Е.Н. Носов, отчасти А.Е. Леонтьев) просто как племен, ассимилируемых словенами и подчиненных Новгороду. Археологически — отсутствие веси на Белом озере до X в.⁷⁴, и неясность этнопотестарного облика чудского в первоначальной основе Юго-Восточного Приладожья⁷⁵. Нумизматически — отрицание наличия сквозного Волжского пути через земли чуди, веси и мери и попадание дирхемов начала IX в. в земли последней из Новгородской округи в силу включения их в среду словенской колонизации или, по крайней мере, влияния⁷⁶.

Остается мерая и, по мнению А.Е. Леонтьева, мурома⁷⁷, обладавшие хотя бы на части своих территорий (в ближайших округах Ростова и Мурома)⁷⁸ зачатками позднепотестарной организации в виде собственной княжеской власти. Если же княжества-вожества и были (летопись упоминает только, что «меря, имела волость свою», то они охватывали лишь небольшие плотно заселенные участки плодородных земель (котловина оз. Неро, например, с ее сапропелем) среди почти пустых лесных пространств, этим княжествам не подчиненных. Особую роль играли также связи с Восточным путем (неважно, напрямую по Волге-Оке или через земли словен), позволявшие правящей верхушке иметь независимый источник избыточного продукта на свое содержание.

⁷⁴ Голубева Л.А. О дате поселения веси на Белом озере // КСИА. 1965. Вып. 104. Впрочем, позднее Л.А. Голубева указывает на существование в конце VIII — середине X в. на Белом озере ремесленно-торгового поселения веси Крутик, предшественника летописного Белоозера (*Она же*. Литейное дело на поселении Крутик в Белозерье. М., 1991. С. 192).

⁷⁵ Кочуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII в. М., 1973. С. 53–80. Или на Белом озере (*Шрамм Г.* Ранние города Северо-Западной Руси: исторические заключения на основе названий // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 145–150.), или в Юго-Восточном Приладожье (по Н.И. Платоновой, Г.С. Лебедеву, Г.В. Глазыриной: либо «Городище» на Яси, либо Олонец) помещается известная из саг скорее всего для X в., скандинавская колония Алаборг (Древнерусские города в древнескандинавской письменности. С. 162–165).

⁷⁶ Леонтьев А.Е. Волжско-балтийский торговый путь в IX в. С. 6.

⁷⁷ Хотя мурома и не входила в первоначальное объединение северных племен и ассимилировалась, скорее всего, не словенами, а кривичами и вятичами, но в середине IX в. управлялась из Новгорода, т. к. ею («муромой»), согласно ПВЛ, «обладале Рюрик». Отсутствие в самом Муроме слов ранее XI в. (*Чалых Н.Е.* Археологическое изучение Мурома // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1985) известно, т. к. в летописном сообщении 864 г. речь идет о народе, племени, а не о городе (летописец лишь уточняет для современных ему читателей, где проживало, вероятно, уже исчезнувшее к его времени племя).

⁷⁸ Леонтьев А.Е. Волжско-балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. 1986. Вып. 183.

Мерянское княжество, как эталон и, возможно, наиболее развитый позднеспотетарный организм финского компонента древнерусской народности, хорошо изучено археологически и дает, прежде всего, географо-топографическую структуру подобного рода и уровня этноспотетарных⁷⁹ образований. Его поперечник — 20 × 20 км, предполагаемая столица, Сарское городище, находится на его окраине — местном отрезке Волжского пути⁸⁰, остальные неукрепленные, но значительные по размерам поселения, наоборот, от этого пути удалены. Возможно, здесь случай аналогичный Волховскому пути, где «жители небольших лесных поселков не ждали добра даже от незначительных отрядов вооруженных купцов, и поэтому сельское население, конечно, старалось избегать оживленных торговых магистралей»⁸¹. На сам путь по Саре была выдвинута лишь хорошо укрепленная «столица», так что правящая верхушка одновременно могла и извлекать прибыли от контроля над торговой магистралью, и защищать границы своей волости, причем только с одной стороны — транзитного торгового пути. Ситуация в этом предполагаемом мерянском княжестве осложнялась с появлением на его границах уже с начала IX в. славянского (словенского?) населения⁸². Впрочем, вероятно, уже во второй половине IX в. самостоятельная княжеская власть, если она была, ликвидируется, на Сарском городище появляются многочисленные скандинавские вещи,

⁷⁹ *Леонтьев А.Е.* Поселения мери и славян на озере Неро // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 29. Автор исследований А.Е. Леонтьев, вслед за Б.А. Рыбаковым, связывает эту территорию «с предполагаемыми областями славянских малых племен» (*Рыбаков Б.А.* Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси // Проблемы возникновения феодализма на Руси. М., 1969. С. 27; 70, С. 29). Однако она сопоставима и с типичными для Руси размерами городской волости с 20-километровой зоной вокруг города: жители его округа могли за один день съездить в город и вернуться обратно (*Десярев А.Я.* О влиянии средневековых городских центров на формирование сельской округи // Город и государство в древних обществах. Л., 1982). Очень четко это прослеживается в тех волостях, которые имеют выраженные природно-хозяйственные границы. Так, Стародубская волость, совпадающая с одноименным ополем (*Шинаков Е.А.* К вопросу и антропологических границах Стародубского ополья в конце X — XII в. // Археологические исследования в Центральном Черноземье в XII пятилетке. Белгород, 1990), имеет размеры 30 × 16 км, причем его «столица» так же, как и Сарское городище, находится не в центре волости, а на одной из окраин (*Шинаков Е.А., Ющенко Н.Е.* Стародуб и его округа в конце X—XII вв. Проблемы социальной истории Европы. Брянск, 1995; *Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н.* Стародубское ополье в IX—XII вв. // Археология. 1998. № 2). Сопоставимы эти размеры и с сельской округой тех земледельческих, с сильным влиянием международной торговли, городов-государств, которые имеют ярко выраженные антропогенно-природные границы (оазисные): Мари (40 × 15 км), Дамаск (25 × 16 км).

⁸⁰ *Латишин В.А.* Ранняя дата Владимирских курганов // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 47–48, Рис. 1.

⁸¹ *Носов Е.Н.* Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. // КСИА. 1981. Вып. 164. С. 21.

⁸² *Леонтьев А.Е.* Поселения мери. С. 31.

рядом с ними возникает варяго-русский дружинный лагерь⁸³, в Ростове появляется русский «муж» — наместник Рюрика, затем «великий князь, под Ольгом суще».

Если территориальная структура и внешнеполитическое положение одного из финских позднепотестарных образований достаточно ясно видны на примере «Сарского» княжества, то их внутренняя политическая структура по археологическим материалам «не читается». Здесь на помощь приходит фольклор доживших до нашего времени, но имевших княжескую власть в древнерусскую эпоху и тесно с Русью связанных и плативших ей дань, хотя в ее состав и не входивших, восточно-финских народов, в частности, мордвы-эрзя. У них князь наделяется функциями культурного демиурга, ритуально-магической⁸⁴, редистрибутивной и, вероятно, судебной. Отсутствуют военно-организаторская, фискальная, внутреннего подавления функции. Первый князь (Тюштян) выбирается старейшинами (формально — «народом») из числа «пахарей»⁸⁵. Прямая аналогия с легендами о происхождении династий правителей Чехии и Польши у Козьмы Пражского и Галла Анонима, а также ритуально-символическая «крестьянская» атрибутика и обоснование княжеской власти в Чехии и Карантании является чисто формальной. В этих странах главными функциями князя были как раз военно-фискальные, а в идеологии господствовал аристократизм, идея превосходства князя и дружины над народом. «Крестьянские» генеалогии и атрибутика имеют литературно-княжеское происхождение и явно навязаны «сверху». Функции власти «князя» у эрзя (по легенде) более соответствуют статусу вождя позднепотестарного этапа⁸⁶, чем правителя переходного (в дружинной форме), а тем более раннегосударственного этапа.

Таким образом, среди обширных финских лесов Севера еще до образования Руси встречались на отдельных плодородных участках, через которые к тому же проходили торговые магистрали, типичные вожества, о чем свидетельствует сочетание фольклор-

⁸³ *Леонтьев А.Е.* Археологические памятники ростовской мери // Проблемы изучения древнерусской культуры. М., 1988. С. 14–15; *Леонтьев А.Е., Сидоров В.В., Исланова И.В.* Волго-Окская экспедиция в 1977–1983 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188. С. 7–8.

⁸⁴ Эта функция не была главной, т. к., судя по ПВЛ, у финских народов была самостоятельная корпорация «волхвов», могущих в случае необходимости возглавить народ (события 1024 и 1071 гг. в Суздале и Ростове-Белоозере).

⁸⁵ *Маскаев А.И.* Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964. С. 180, 185.

⁸⁶ *Бочаров В.В.* Социально-политическое управление и общественные традиции (на примере Тропической Африки) // Этнические аспекты власти. СПб., 1995; *Соболева Е.С.* Традиции в системе власти на острове Тимор // Там же.

ных, археолого-топографических и нумизматических данных. Однако вожди эти были, вероятно, по своему статусу и функциям (хозяйственно-редистрибутивным и сакральным) ближе к африканско-океаническому типу главы-символа благополучия племени, чем к славяно-индейскому, где вождь выступал прежде всего как военный предводитель⁸⁷, глава дружины. Возможно, совпадает лишь судебная функция.

С юга и юго-запада к мере, муроме и мордве примыкают земли вятичей, которые в большинстве своем, а для IX — начала X в. — полностью, входят в состав Юго-Восточной зоны форм протестарной организации и внешнеполитических воздействий. Именно этой зоне посвящено большинство археолого-исторических работ (в том числе монография) и полевых исследований автора, что и облегчает, и затрудняет (в плане объема) его задачи в данной статье. Поэтому, отсылая читателя к основным концептуально-доказательным работам автора в этой области⁸⁸, остановимся на выводах и краткой характеристике использованных для их получения источников.

Среди последних особое место занимают материалы нумизматики в сочетании с естественно-географическими данными и сведениями письменных источников хазарского происхождения в сопоставлении с известными сообщениями ПВЛ о хазарской дани и военной деятельности в этом географическом направлении Олега, Святослава и Владимира.

В природном отношении Юго-Восточная зона (почти все Днепро-ское Левобережье без Чернигова, Переяславля, Посожья, части Подесенья) характеризуются двумя факторами. Во-первых, наличием степных «языков», вдающихся далеко вглубь не только лесостепей, но и лесной зоны, и зоны ополей на границе последней, дававшей возможность для размещения и действия конницы; Во-вторых, контрастностью зон (степь, лесостепь, ополья, полесья), границы которых зачастую совпадают с хозяйственно-культурными и этнополитическими, что позволяет уточнить последние. Природный фактор воздействовал

⁸⁷ В «Великой хронике» первые единоличные правители Польши прямо названы воеводами, строителями крепостей («Великая Хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987. С. 56). В этой же функции выступает и легендарный основатель Киева князь Кий, вероятно, защитник племени, после смерти которого поляне «быша обидами Древлянами и инема околними» и платили дань хазарам.

⁸⁸ *Шинаков Е.А.* От пращи до скрамасакса: На пути к державе Рюриковичей. Санкт-Петербург; Брянск, 1995; *Он же.* Образование Древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002; М., 2009.

по-разному и на разные стороны жизни (хозяйство, политика и т. д.) на разных этапах древнерусской истории Юго-Восточной зоны⁸⁹.

В потестарно-политическом аспекте период конца VIII — начала XI в. (генезиса древнерусской государственности) на Левобережье можно разделить на 5 этапов: конец VIII — начало IX в. — сложение этно-потестарных организмов; IX в. — хазарское господство; конец IX — начало X в. политические изменения, связанные с гегемонией русов; середина — начало второй половины X в. — независимость племен Юго-Востока, возможно, под хазарским протекторатом, связанная с кризисом и временным распадом Руси в 40-е гг. X в.; конец X — начало XI в. — окончательное присоединение Юго-Восточной зоны (за исключением части вятичей) к Руси и начало ее «государственного освоения»⁹⁰. Каждый из этапов характеризуется своим набором археологических и нумизматических артефактов и в той или иной степени отражен в письменных источниках.

Прежде чем перейти к этнопотестарной характеристике первого этапа, мы вынуждены остановиться на этнической предыстории Левобережья и Среднего Поднепровья в целом, связанной с пеньковско-пастырскими, «сахновскими» и киево-колочинскими древностями, этническая характеристика которых известна уже давно (исключая трубчевскую и мужиновскую находки пеньковских артефактов в Брянской области в конце 80-х — начале 90-х гг.⁹¹, однако их интерпретации до сих пор остаются не только противоречивыми, но и зачастую взаимоисключающими).

Анализ непосредственно предшествующих волынцево-роменским древностям артефактов (украшений и жилищ, прежде всего) пень-

⁸⁹ *Ахромеев Л.М.* Генезис, история развития и хозяйственного освоения ландшафтов ополей центральной России. Воронеж, 1985. (Деп. ВИНТИ, № 5540–85, УДК 911.53); *Шинаков Е.А.* Освоение ополей Брянского Подесенья в X–XIII века // Брянские ополья: природа и природопользование. М., 1991; *Он же.* Влияние процесса «государственного освоения» на экосистемы Среднего Подесенья // Экологический опыт человечества: прошлое в настоящем и будущем. М., 1995; *Он же.* Опыт экологической классификации территорий юго-востока Древней Руси // Археология и история Юго-Восточной Руси. Курск, 1991; *Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н.* О роли природно-географического фактора в освоении радимичами территорий Полесья // Песоченский историко-археологический сборник. Киров, 1995. Вып. 2. Ч. 2.

⁹⁰ В ее основе лежат не столько археологические, сколько историко-нумизматические данные, однако она во многом совпадает с одной из последних, сделанных по комплексу археологических признаков, периодизаций роменской культуры В.В. Приймака: конец VIII — начало IX в.; середина IX — середина X в., середина X — начало XI в., см.: *Приймак В.В.* Роменська культура в Межиріччі Десни і Ворскли: Дискусійні питання, нові матеріали. Полтава; Суми, 1997. С. 9–10].

⁹¹ *Падин В.А.* К истории славян Подесенья // Деснинские древности; *Шинаков Е.А.* Археологические работы в Брянской области в 1988–1989 годах // Слово'яно-руські сторожитності Північного Лівобережжя. Чернигов, 1995. Рис. 1.

ковской культуры показывает их разнородное происхождение: прибалтское в основе (выемчатые эмали, спиралевидные украшения, штрихованная и киевская керамика, столбовые прямоугольные жилища) при сильном провинциально-римско-латенском (гето-ясторфско-кельто-бастарнском в этническом плане) влиянии, выраженном еще в дочерняховской культуре Поянешти — Лукашевка⁹². Постепенно балтская (восходящая, вероятно, к зарубинецко-киевским⁹³ древностям) основа сменяется славянской (срубные полуземлянки с печами-каменками), усиливается тюрко-болгарское и аварское, при сохранении иранского субстратного (круглые жилища, наборные пояса) влияния, связанное, вероятно, с образованием в VII в. Великой Болгарии, а позднее — салтово-маяцкой культуры. Тогда же «проявляется» затухший на некоторое время латенско-гето-германский культурный пласт, имевшийся в пшеворской и черняховской культурах, культуре Поянешти-Лукашевка (антропоморфные фигурки протомартыновского типа, прототипы начальных фибул)⁹⁴. Возможен, по крайней мере на Левобережье пеньковской культуры, повторный импульс из юго-восточной Прибалтики через колочинскую культуру, выраженный в появлении височных колец с «улитковидным» (спиралеобразным) завершением⁹⁵.

Эти латено-германо-балтские по происхождению артефакты семантически и функционально, вероятно, однотипны, однако, стилистически они образуют совершенно независимую и абсолютно оригинальную группу украшений и деталей костюма, выраженную в термине «мартыновские древности»⁹⁶. Последние, вероятно, маркируют разноэтническое военное-политическое образование VIII в., ранее известное под именем «анты» и являвшееся, скорее всего, потестарным суборганизмом Великой Болгарии (как ранее разноэтническая Готская «держава», отраженная черняховскими древностями)⁹⁷.

⁹² Корзюхина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой пол. VI в. н. э. в Среднем Поднепровье // САИ. Л., 1978. Вып. 41–43; Перхавко В.Б. Украшения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // Вестник МГУ. История. 1978. № 2. С. 70; Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993. С. 94–95).

⁹³ Из последних, сравнительно новых интерпретаций зарубинецкой и почепской культур следует отметить отнесение их к германцам: росомонам, либо бастарнам, либо роксоланам-сарматам, либо особым, промежуточным между славянами и западными балтами, народам, сложившимся на поморской базе.

⁹⁴ Славяне и их соседи. Табл. XXII: 27; XXVI: 12; XXXI: 23; LXV: 3, 4; LXXV: 1,2.

⁹⁵ Lietuvių liaudies menas. Vilnius, 1958. S. 257.

⁹⁶ Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. С. 120, 122.

⁹⁷ Возможно, очень искаженные и смутные реминисценции пребывания германцев-готов

Возможно, под давлением аваров, позднее — в результате болгаро-хазарских войн в Северном Причерноморье некоторые группы смешанного населения антского союза переселяются в Нижнее (ипотешти-кындештская культура) и Среднее («аварская» культура) Подунавье, возвращаются в Юго-Восточную Прибалтику (западно-мазурская, в основе германо-славяно-тюркская⁹⁸ культурная группа), расселяются на Балканах, в том числе и в пределах Византийской империи (особенно показателен в этом плане клад «мартыновских» фигурок из Велентино в Фессалии⁹⁹). Скорее всего, это группа «антского» населения (как нижнедунайская была славяно-германской¹⁰⁰, о чем свидетельствует Иордан и Псевдо-Маврикий, авторы середины VI — рубежа VII в.: «Эти (венеты), происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов»¹⁰¹; «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам»¹⁰². Впрочем, данные тексты свидетельствуют лишь об общности «нравов» и происхождения, что, с учетом теории балто-славянского языкового единства и прибалто-славянской языковой общности¹⁰³, существовавшей в Белоруссии, по крайней мере, до середины I тыс. н. э.¹⁰⁴, вовсе не свидетельствуют о славянском языке антов. Анты-пеньковцы могли сталкиваться с византийцами и в горном Крыму, в так называемой Крымской Готии, где выступали союзниками Византии и за-

на Днепре нашли отражение как в предисловии к «Кругу земному» («Великая Швеция» в Восточной Европе), так и в «Саге о Хервёр и конунге Хейдрек» (Древнерусские города в древнескандинавской письменности. С. 151, 154–155, 158).

⁹⁸ Не исключена, впрочем, и герульская принадлежность германских артефактов (в том числе пальчатых фибул) западномазовецкой группы. В начале VI в. «герулы были побеждены в бою с лангобардами» и часть из них «обосновалась на самом краю обитаемой земли». «Предводительствуемые многими вождями царской крови, они прежде всего последовательно прошли через все славянские племена, а затем, пройдя через огромную пустынную область, достигли страны так называемых варнов» (Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М, 1960. С. 209).

⁹⁹ Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. Рис. 51, 52.

¹⁰⁰ Там же. С. 97–98.

¹⁰¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М, 1960. С. 90.

¹⁰² Мишулин А.В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. // ВДИ. 1941. № 1. С. 253.

¹⁰³ Это подтверждается еще и тем, что римские авторы первых веков н. э., в частности, Корнелий Тацит, еще не разделяли славян и балтов, обозначая их сводным именем венедев, живущих между певкинами-бастарнами и феннами «вдоль всего Венедского залива» (Балтийского моря). Эти венедеды и могли продвигаться с бастарнами или — позднее — готами до Среднего Поднепровья, принеся сюда латенскую технику выемчатых эмалей. Возможно, впрочем, что они переняли ее от кельтов уже в этом регионе, независимо от прибалтийских «венедев» (а, возможно, и «феннов»-эстонцев).

¹⁰⁴ Лебедев Г.С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 114.

щитниками Херсонеса¹⁰⁵. Четкое различие между славянами и антами — в их внешнеполитической ориентации: первые — противники, вторые — союзники Византии. Весьма различны боевые качества и способы ведения войн венетов, склавенгов и антов. Первые «были достойны презрения из-за слабости их оружия... ничего не стоит великое число негодных для войны», вторым удалось разбить «короля» готов Амала Винитария (V в. н. э.), и последнему только обманом удалось захватить в плен их «короля» и старейшин. Кроме того, анты выступали наемниками и даже полководцами Империи, как, например, полководец и флотоводец Дабрагаст.

В общем, анты представляются разноэтничным военно-политическим союзом вначале с преобладанием венето-балтов, с дальнейшим повышением доли ирано-тюркских элементов, при формировании на гето-латено-германской основе (при дополнении балто-иранскими чертами), общей, по крайней мере, для космополитичных верхов союза, культуры «мартыновско-пастырского» облика. Западная часть населения, контактировавшая с Византией и аварами (ипотешти-кымдештская культура), говорила, скорее всего, на славянском языке. Расселение этой части пеньковцев в Среднем Подунавье и в Юго-Восточной Прибалтике, возможно, привело путем подражания одному из типов пеньковских украшений балтского происхождения (кольца со спиралевидными концами) к возникновению типично западнославянских «поморских» височных колец. Впрочем, первые могли возникнуть и путем прямых контактов с балтами.

Главные выводы по этнопотестарным традициям, по крайней мере, юга Днепровского Левобережья (а именно отсюда, судя по всему, расселялись на север и запад славянские племена Юго-Востока — вятичи и радимичи, бывшие, наряду с северянами, носителями роменско-боршевской культуры): привычка входить в крупные иноэтничные надплеменные территориально-политические образования позднепотестарного этапа, подчиняться иноплеменным, в каждый данный момент наиболее сильным правителям; отсутствие племенного сепаратизма и замкнутости, вероятно, достаточная веротерпимость и широта «политического» кругозора знати, ее определенный космополитизм; привычка всего населения к разного рода войнам, всеобщая военная подготовка и вооруженность; наличие значительного количества избыточного продукта в распоряжении знати, т. е. ее независимость от общества; привычка последнего выплачивать дань вышестоящему

¹⁰⁵ Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. С. 90.

этно-потестарному организму и участвовать в его военных предприятиях. Контраст с потестарной культурой большинства иных зон Восточной Европы налицо.

В VIII в., при переходе от пеньковской и колочинской культур к одновременно формировавшимся салтово-маяцкой и роменско-боршевской и, как бы контактной между ними и в наибольшей степени отражавшей пеньковско-антские традиции, волынцевской культуре, приоритет переходит к тюркско-болгарской потестарной культуре. Ее, как и иные кочевнические многоэтнические структуры, отличает приверженность к власти одного легитимного рода, привычка инкорпорировать в свой состав иные этнопотестарные суборганизмы, четкие, в том числе ранговые, внешние отличия военно-аристократической верхушки, всеобщая вооруженность народа. Происходит начавшееся еще в конце существования пеньковской культуры усиление роли тюрко-аланского компонента, выраженного так называемой пастырской керамикой¹⁰⁶, в славяно-балтской (или прибалто-славянской) среде, выразившееся в вычленении волынцевской культуры и расширении ее ареала на северо-запад и север, параллельно и как бы «внутри» роменско-боршевской. Начинается естественный синтез славяно-балтских и болгаро-аланских этнокультурных и этнопотестарных традиций, использованный и получивший государственное регулирование позднее, в недрах Хазарского каганата.

Как видим, для потестарной предыстории Юго-Востока важен не столько этнический, сколько «политический» момент. Потестарные традиции смешивались, наслаивались друг на друга, передавались от поколения к поколению, накапливались, но редко прерывались. Для этой зоны археологически и исторически (за исключением анто-готского и анто-аварского конфликтов по Иордану и Феофилакту Симокатте, но их данные к Левобережью отношения, скорее всего, не имеют) не прослеживаются следов опустошительных нашествий, разгрома и уничтожения этносов и, соответственно, их потестарных традиций. Скорее, мы имеем дело со сменявшимися друг друга корпоративно-эксплуататорскими и многогосударственными властными структурами. В этой связи можно высказать предположение, что у наиболее тесно контактировавших с болгаро-аланским миром северян — основных носителей роменской культуры — родовые связи

¹⁰⁶ Лишним доказательством этого является недавно исследованное тенгрианское святилище болгар в Судаке, в заполнении которого встречена не только пеньковская, но и колочинская керамика (*Баранов И.А., Майко В.В.* Среднеднепровские элементы в культуре населения раннесредневековой Таврики // *Старожитності Русі.* Київ, 1994).

если и имели значение, то только в аналогичном, потестарном аспекте, а не в структурообразующем, как у радимичей.

Этническая природа северян чаще всего определяется ранними исследованиями, исходя, в основном, из их названия. Исторические и археологические данные при этом вторичны, подбираются в зависимости от этнонимической гипотезы. Можно отметить четыре главных варианта их происхождения: автохтонно-славянский, восходящий к антам-пеньковцам, черняховцам и даже зарубинцам, с учетом их временного ухода на Север при нашествии готов и возврата оттуда (П.Н. Третьяков, Б.А. Рыбаков, Д.Т. Березовец и др.)¹⁰⁷; западнославянско-висленский (с «прямой» версией — через Северо-Западную зону вместе с кривичами — «от них же и север» — и через «дунайский котел»¹⁰⁸; иранский (В.В. Седов, Н.М. Багновская); болгаро-дунайский («северии» — одна из потестарных единиц «союза семи племен»¹⁰⁹). Особо следует отметить работы, в которых подчеркивается разноэтнический характер Северянского союза¹¹⁰. Н.М. Багновская включает в него радимичей и вятичей¹¹¹. Косвенно связь с северянами кривичей, с одной стороны, вятичей и радимичей — с другой, вытекает и из сравнительно новой, протобалто-славянской концепции Г.С. Лебедева, отметившего «двойственное» этноязыковое положение этих трех этносов по П.В.Л. Поскольку последняя, действительно, подчеркивает в одном месте генетическое родство кривичей и северян, в другом — сходство на уровне обычаев и обрядов «северян» с радимичами и вятичами, то потестарно-типологически летописных «северян», скорее всего, логичнее поместить между этими двумя группами племен.

Археологически проблема происхождения этнокультурных особенностей поздней потестарности Левобережья замыкается, в основном, на волынцевских древностях, имеющих двойственное: местное (относительно) пастырское и пришлое (салтовское или именьков-

¹⁰⁷ Археологически зарождение северян-роменцев уже в восточноевропейской среде (от культуры Корчак) постулируют также И.И. Ляпушкин и И.П. Русанова, хотя и для более позднего (конец VIII в.) периода, считая неславянской не только пеньковскую, но и наследовавшую ей волынцевскую культуру.

¹⁰⁸ *Щавелев С.П.* Этноним «северяне».

¹⁰⁹ *Трубачев О.Н.* В поисках единства. М., 1992; *Григорьев А.В.* Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.

¹¹⁰ «Анализ погребального обряда показал неоднородность населения роменской культуры, что может быть обусловлено его подосновой (волынцевские памятники несут на себе явные следы нескольких компонентов)... такая неоднородность также проявляется... в домостроительстве» (*Приймак В.В.* Роменська культура. С. 30).

¹¹¹ *Багновская Н.М.* Сложные вопросы этнической истории летописной Северы. С. 23.

ское — среднеповолжское) происхождение¹¹². В.В. Приймак считает возможным говорить для VIII в. о сложном вожестве с центром в Битице, во главе с волынцевским дружинным элементом, но включающем и иноэтничные, в том числе славянские племена с собственной потестарной суборганизацией. Называется даже форма получения правящей верхушкой избыточного продукта и одновременно — главный способ реализации власти — полюдые. В то же время подчеркивается зависимость от Хазарского каганата, хотя этот автор и не рассматривает Битицу, в отличие от Д.Т. Березовца, в качестве опорного пункта хазарского владычества и места дислокации хазарского воинского контингента.

Соглашаясь в целом с абрисом этой концепции, позволим себе некоторые коррективы, связанные с неразработанностью и неточностью внутренней хронологии волынцевских древностей и их верхней границы.

Прежде всего, обратим внимание на характер размещения волынцевских древностей¹¹³, которые, кстати, в территориально-хронологическом плане стыкуются не только с роменскими, но и с сахновскими (полянскими?) на Правобережье¹¹⁴, колочинскими (прибалто-славянскими) в среднем Подесенье¹¹⁵, финно-угорскими (на Верхнем Дону). Кроме достаточно компактного ядра культуры в междуречье Сейма и Ворсклы с центром в Битице и открытым выходом в салтовский ареал, остальные памятники волынцевского типа составляют 6 групп, оконтуривающих предполагаемые, но вполне согласующиеся с реалиями, границы Хазарского каганата: Правобережье в районе Киева, бассейн р. Снов (правый приток Десны), Брянское ополье, верхняя Ока, верхний Дон, среднее Поволжье¹¹⁶. От

¹¹²Щеглова О.А. Проблемы формирования славянской культуры VIII–X вв. в Среднем Поднепровье. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1987. С. 10; Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. С. 194–195.

¹¹³Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. Рис. 56.

¹¹⁴Петрашенко В.А. Волынцевская культура в Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 49.

¹¹⁵Верхнюю границу колочинских древностей в некоторых микрорегионах следует, вероятно, поднять, по крайней мере, до второй половины IX в.: в противном случае образуется хронологическая лакуна в 150 лет между ними и роменскими поселениями, которую немногочисленные волынцевские памятники никак не могут заполнить. Артефактов, подтверждающих данную абсолютную дату, нет, как нет и ее опровергающих. Симбиоз колочинско-волынцевско-роменской керамики в таких поселенческих агломерациях, как Посудици на Вабле или Хотылево (Гасома) в Брянском ополье — косвенное подтверждение первого положения, т. к. роменские лепные сосуды в Среднем Подесенье чаще встречаются совместно с шестовицкой и местной раннекруговой, и в то же время — колочинской керамикой.

¹¹⁶Смирнов А.П. Древняя Русь и Волжская Болгария // Славяне и Русь. М., 1968. С. 168.

основного ядра культуры эти группы отделены роменскими, колочинскими, боршевскими древностями, а то и вообще слабозаселенными либо степными пространствами.

Данная территория на своем западном участке, отчасти и на юго-востоке, совпадает с границами взятой на себя русскими князьями хазарской дани со славян, очерченными по более поздним дружинным камерным захоронениям В.Я. Петрухиным¹¹⁷. В этой же зоне преимущественно встречаются варварские, скорее всего, хазарской чеканки, подражания арабским дирхемам IX в.¹¹⁸, а в X в. к ним добавляется собственная денежно-весовая система, основанная на обрезанных в кружок монетах¹¹⁹, охватывающая земли северян (кроме ранее покоренных русами черниговских), южных вятичей и юго-восточных радимичей. В Хазарии этой системы нет, как, впрочем, и в Киевско-Новгородской Руси. Эти 6 волынецовских групп перекрывают также все возможные водные пути из Черноморско-Каспийского региона на север и их ответвления.

Строительство крепостей на Дону именно с этой целью — для удовлетворения фискально-пошлинных интересов военно-торговой верхушки каганата отметила С.А. Плетнева¹²⁰, однако она не связыва-

¹¹⁷ *Петрухин В.Я.* К проблеме формирования «Русской земли» в Среднем Поднепровье // ДГ. 1987 г. М., 1989.

¹¹⁸ *Быков А.А.* Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974. С. 56; *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. М., 1983. С. 189; *Кропоткин В.В.* Новые материалы по истории денежного обращения Восточной Европы в конце VIII — первой половине IX в. // Славяне и Русь. М., 1968. С. 78. Впрочем, варварские подражания дирхемам изредка встречаются и за пределами Юго-Восточной зоны, отражая, возможно, попытки хазар распространить сферу своего экономического влияния и на финские племена Севера. Так, на местном (весском) предшественнике древнерусского Белоозера — городище Крутик — в слоях IX в. обнаружены не только аббасидские дирхемы начала — первой половины IX в., но и подражания им (*Голубева Л.А.* Литейное дело. С. 149). Эти факты согласуются с предположением А.П. Новосельцева о хазарской экспансии в земли кривичей (*Новосельцев А.П.* Образование Древнерусского государства и его первый правитель. «За это» и географический фактор — от западных границ Брянского ополья, почти наверняка подчиненного в IX в. каганату, до юго-восточных кривичских памятников (правда, более поздних) — менее одного дневного перехода. Есть и иная точка зрения на зону «варварских подражаний» как на «Русский каганат», археологически представленный волынецовской культурой (*Седов В.В.* Русский каганат IX в. // ОИ. 1998. № 4).

¹¹⁹ *Зайцев В.В.* О топографии кладов куфических монет X в., обращенных в кружок // Кр. тез. докл. нумизматической конференции «Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности». СПб., 1992.

¹²⁰ *Плетнева С.А.* Хазары. М., 1976. С. 55. Однако, если принять соотношение «Вантита» первой традиции восточных источников с каким-то пунктом или микрорегионом (агломерацией) в земле вятичей, а основания для этого имеются, то в этой торговле под эгидой хазар участвовала и славянская верхушка. Устанавливаются (или сохраняются?) в IX в. культурные связи роменских славян с Великой Моравией и ее южной сферой влияния, о чем свидетель-

ла эту функцию с волынцевскими группами населения по окраинам внешней (славяно-балто-финской) зоны Хазарского каганата. Возможно (и скорее всего) именно этим фактором (а не скудной данью) — контролем над торговыми путями — и объясняется выбор славяно-финских племен — данников каганата, хотя одновременно группы волынцевского населения с внешней стороны как бы оконтуривали земли ранних вятичей, северян, возможно, радимичей до их расселения на Соже. Само же появление волынцевцев, кто бы они ни были в этническом плане, в Юго-Восточной зоне вряд ли связано с государственной политикой переселения покоренных групп населения на окраины государства (Хазарии в данном случае), т. к. сомнительно, чтобы в начале VIII в. (а именно тогда появляется волынцевская культура) ослабленный арабскими войнами каганат мог предпринять подобную акцию, могущую вызвать недовольство, как переселенцев, так и местного населения. Возможно первоначальное бегство¹²¹ каких-то групп (предположительно, ирано-тюркского населения) к своим, уже жившим здесь, пастырским «родственникам» после гибели Великой Болгарии и во время арабских войн на Северном Кавказе. Роль степных поселенцев в славяно-балтской среде могла поменяться на рубеже VIII–IX вв. после внутреннего конфликта, в итоге завершившегося компромиссом хазаро-иудейской торговой верхушки и болгарских степных ханов, допущенных к кормилу власти. В итоге, родственники последних — волынцевцы — могли стать опорой властей каганата во вновь присоединенных (вероятно, с помощью тех же «салтовцев») славянских землях. Кратко их можно назвать «военными поселенцами», выполнявшими, вероятно, и функции сбора дани со славян (от «дыма» или от «рала»).

Не исключена вероятность, что в качестве компенсации того, что болгары-тенгрианцы стояли на ступеньку ниже хазар-иудеев, им могло быть предоставлено право (и обязанность) контроля за «колониями». Подобная практика известна в таких сложных по территориальному устройству государствах, как Карфаген или Бенин: «граждане», но как бы второго сорта, не принадлежавшие к правящим благородным родам, имели привилегию поставлять наместников на окраины

ствуют некоторые типы украшений. Косвенно это говорит и о функционировании «хазаро-баварского» пути через славянские земли (Й. Херрман, А.В. Назаренко). Возможно, его установлению способствовало включение славянских территорий в состав каганата.

¹²¹О характере переселения косвенно свидетельствует изменение погребального обряда от ингумаций салтовцев к кремациям, перенятым у местного населения — у волынцевцев (если только не считать последних прямыми потомками пеньковцев или именьковцев).

государства, где жили вообще «неграждане», к управлению ни в коей мере не причастные.

В данном случае ситуация, возможно, облегчалась и традициями давнего ирано-тюрко-балто-славянского симбиоза на Левобережье, когда болгаро-аланы (или кто бы ни были «волынцевцы») не воспринимались местным населением враждебно, как завоеватели, и тем успешнее могли осуществлять свои функции в пользу центральной власти каганата. Недаром не известно ни одного восстания славян против хазар (эпизод о полянской дани мечами неоднозначен), притом, что антиваряжскими, позднее антирусскими движениями и проявлениями враждебности буквально пестрят страницы летописи. Дата прекращения функционирования Битицкого городища спорна и опирается не столько на археологическое обоснование датировки, сколько на ее связь с потрясениями внутри каганата и основанием в 30-х гг. IX в. крепости Саркел¹²². Разница же в 30 лет (первая либо последняя, по нашему мнению, треть IX в.) археологически вряд ли уловима. Если же принять как гипотезу сосуществование Битицы в середине IX в. как центра сбора хазарской дани с данью варяжской, затем «русской» на севере, то тогда имеет основание сравнение того же В.В. Приймака этого поселения Юго-Востока с таким же центром Севера, опорным пунктом скандинавской колонизации, как Старая Ладога¹²³.

По аналогии с археологически отраженным процессом сбора «варяжской дани» можно реконструировать этот процесс и для хазарской сферы влияния. Возможно, из Битицы назначались наместники (на Севере это были дружинники, затем «князья», а у хазар — тудуны) в отдельные регионы Левобережья, охваченные хазарской данью. Возможно, свидетельством наличия дружины такого наместника в Брянском ополье является «этнически чистый» (как и собственно Волынцевский на Сейме)¹²⁴ могильник у с. Палужье на Десне. Вооружены эти воины (в Битице, по крайней мере) были салтовским оружием и

¹²² *Приймак В.В.* Територіальна структура Межиріччя Середньої Десни і Середньої Ворскли VIII — поч. IX ст. Суми, 1994. С. 14–15.

¹²³ В данном случае, с учетом расположения рядом с Битицким волынцевским городищем частично синхронного ему роменского можно найти на Севере более удачные примеры «пар городов» (местного и варяго-русского): Рюриково — Новгород, Крутик — Белоозеро, Изборск — Псков, Гнездово — Смоленск, Сарское — Ростов. Хотя вопросы о хронологии, статусе, функциях многих из них достаточно спорны, сама идея о расположении опорного пункта «верхнего уровня власти» рядом с контролируемым им местным административным центром (*Петрухин В.Я., Пушкина Т.А.* К истории древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4), концентрирующим собранную с подчиненной последнему волости-княжения дань, представляется плодотворной.

¹²⁴ Отличие — в фиксации в Полужье хоть и небольших, но курганов.

снаряжением, хотя, судя по обряду кремации, в религиозно-обрядовом отношении они не могут отождествляться с алано-болгарами.

Что же касается возможного наличия правителей «вождей» славянского или балтского происхождения, то косвенные археологические свидетельства об их наличии относятся лишь к четвертому этапу (с середины X в.).

Третий этап преддревнерусского постстарного развития Юго-Восточной зоны связан с попытками русов (Аскольда и Дира, затем Олега) завладеть южными оконечностями тех путей, северными участками которых они уже владели сто лет. Отсюда в список первых данников Олега на Юге Руси входят те же поляне, северяне, радимичи, покоренные либо силой, либо ее демонстрацией и угрозой применения.

Именно с этими событиями, а не с гражданской войной в каганате, следует, вероятно, связывать гибель Битицкого городища, исчезновение (на Правобережье, в Чернигове, на р. Снов, в Брянском ополье, на р. Псел) или архаизацию (переход от круговой к лепной посуде) и растворение в славянской сельской среде волынецовских древностей, зарытие Железницкого (Зарайского) клада¹²⁵.

Поскольку русы, в отличие от хазар, не располагали опытом управления и чиновничьим аппаратом, а также готовым контингентом «воинских поселенцев» в славянской (роменской) среде, они при сборе дани по хазарской системе (от «дыма» или «рала») вынуждены были, вероятно, опираться на местные органы власти, что не могло не усилить последние. Появляются хорошо укрепленные городища, окруженные селищами, посадами или «спутниками» с более богатым и оригинально-местным инвентарем, жилищами разных размеров, хотя и одного (в отличие от предыдущего этапа) типа. Опорных же пунктов верхнего русского уровня власти, в отличие от хазарского (второго) этапа нет вообще (исключение — Чернигов-Шестовица). Об их устройстве и функциях опять же нет никаких свидетельств. Можно лишь предположить, что северяно-вятичская, возможно, отчасти радимичская знать при создании органов управления и сбора уже киевской дани вряд ли могли использовать опыт русов, которые сами находились «в поиске» форм организации власти над обширными землями Юга. Образцом могли послужить системы власти болгаро-аланского

¹²⁵Его расположение — недалеко от северных окраин верхнедонской группы волынецовской культуры — может свидетельствовать о целях Олега и его попытке захватить донской путь (что позже удалось Святославу) и земли вятичей ударом не с запада, а с севера, вероятно, из земель уже подвластной Руси мурома либо мери.

(или «волынцевского»?) варианта хазарского типа степной государственности, с ее родовым правлением, иерархичностью уровней власти, развитой денежно-весовой системой, торговлей, всеобщим вооружением народа при наличии привилегированной военной аристократии, воевод, дружины-«гвардии». Схожие, но территориально более отдаленные и опосредованные (и ослабленные) через Юго-Западную зону потестарно-политические импульсы могла дать и Великая Моравия. На многих, особенно окраинных поселениях, сохраняются постволынцевские (Кветунь) и салтовские (Титчиха) артефакты, свидетельствующие о частичном сохранении старых традиций и связей.

Четвертый этап подробно охарактеризован в концептуальной статье А.В. Григорьева¹²⁶. К ее положениям можно добавить открытие связывающей упомянутые в ней позднероманские протогосударственные центры особой, отличной от древнерусской, денежно-весовой системы 30-х — 90-х гг. X в., основанной на обрезанных в кружок по единой норме дирхемах (не только арабских, но и хазарских)¹²⁷. Кроме того, пополнился за счет коренных северянских территорий в междуречье Сейма и Ворсклы список возможных претендентов на роль центров малых племенных княжеств, число которых в этом регионе, вероятно, превысило десяток. Добавим сюда такие окраинные вятичские и северянско-межэтнические предгородские центры, как Титчиха, Супруты, Кветунь, а также, вероятно, Хотылевская агломерация в Брянском ополье. Характерная черта материальной культуры всех этих центров — сочетание лепной роменской и «местной» (не шестовицко-древнерусской и не салтовской) раннекруговой керамики¹²⁸.

Очевидной единой столицы этого предполагаемого северянско-вятичского, отчасти радимичского межплеменного протогосударственного объединения пока не обнаружено. Наибольший сгусток городищ — в ядре северянской территории с географическим центром на верхнем Псле и Суле, затем на восток, север и северо-запад идут слабо заполненные земли вплоть до таких «гигантов», как Титчиха, Супруты, Кветунь, в культурном плане имеющих генетически единый и, вероятно, социально и потестарно однородный с северянскими го-

¹²⁶ Григорьев А.В. Сосница и Роменско-Русское пограничье в X в. // *Минуле Сосниці та її околиць*. Чернівці, 1990.

¹²⁷ Лишним доказательством их генетической связи с хазарским и алано-болгарским миром являются обнаруженные только на данном типе монет граффити, имеющие аналогии в Саркеле, на Маяцком городище и в I Болгарском царстве (*Нахапетян В.Е., Фомин А.В.* Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // *ДГ*. 1992. М., 1995. С. 173, 176).

¹²⁸ Шинаков Е.А. Керамический комплекс севера «Русской земли» и возможные источники его заселения // *Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини*. Київ, 1991.

родищами облик. Последние представляют собой иерархию поселений — от гигантов с мощными укреплениями, посадами, селищами-спутниками и обширными некрополями (религиозными центрами?) до рядовых городищ. Среди первых, все еще, возможно, благодаря своей образцовой изученности (А.В. Куза), выделяется Горналь на Псле, только на котором обнаружены следы собственного монетного чекана¹²⁹ и прототипы украшений поздне- и построменского облика (лучевые ложнозерновые кольца группы IV)¹³⁰, распространявшиеся на землях северян, вятичей, радимичей, а за их пределами — в основном в северо-восточной части Северной зоны.

Судя по Кембриджскому документу и списку данников царя Иосифа, в середине X в., после поражения русского князя Х-л-гу (HLGW) от войск хазарского полководца Песаха, и повсеместных неудач князя Игоря в начале 40-х гг. X в., северяне и радимичи вновь обрели независимость от Киева, а вятичи ее сохранили¹³¹. Находясь между почти распавшейся Древнерусской державой (лишь усилиями Ольги было сохранено ее ядро) и временно вновь усилившимся каганатом, эти племена, во-первых, имели возможность воспользоваться ситуацией, во-вторых, вынуждены были это сделать для самостоятельной защиты от печенегов (в союзе с последними в 60-е — 70-е гг. X в. находились русские князья Святослав и Ярополк). Во внешнеполитическом плане положение этого буферного между Хазарией и отдельными русскими центрами власти (Чернигов и Северо-Восток — Белозеро, Ростов, Муром, а также, вероятно, Ладога, Полоцк, Туров стали независимы от «оси» Киев–Новгород) потестарно-политического организма достаточно ясно. Скорее всего, возможен протекторат каганата¹³² над северянами, вятичами и частью радимичей, объединенными в потестарно-политические организмы конфедеративного типа

¹²⁹ Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские городища. М., 1981.

¹³⁰ Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 1980. № 3.

¹³¹ Не исключено, что именно к вятичам можно отнести сообщение Ибн Фадлана от 922 г. о славянах, желающих принять ислам: сами волжские болгары, к которым прибыла миссия последних, уже были мусульманами (по Ибн Русте). Это несколько снижает достоверность аргументов в пользу традиционного отождествления «славян» Ибн Фадлана с болгарами. Возможно, в условиях ослабления Хазарии на рубеже IX–X вв., тем более частично отрезанной от вятичей мадьярами, затем печенегами, вятичская верхушка могла обратиться за помощью против последних, а также русов к тогдашним врагам последних — Шатт-ал-Ислам'у (через Волжскую Болгарию).

¹³² А после захвата его донских центров Святославом в 965 г. — Волжской Болгарии (для вятичей) и (чисто номинально) I Болгарского царства (для северян), с которыми у позднероменской потестарности прослеживаются прямые, возможно под влиянием инкорпорированных в ее состав болгар, культурно-экономические связи. Недаром нападения Святослава и Вла-

(без единой столицы), но уже на новых, более выгодных для последнего, условиях. Об этом свидетельствует резко возросшее богатство правящей позднероменской верхушки, сконцентрированной в отдельных крупных, достаточно далеко друг от друга отстоящих (Горналь, Супруты, Кветунь, Титчиха) предгородских центрах. Они обладают единой (хотя и отличной в деталях), синкретичной по истокам, но уже самобытной культурой (особенно это чувствуется в серебряных деталях женского костюма). Значительная часть восточного серебра из Хазарии уже не проходила транзитом через вятичско-северянско-радимичские земли, а оставалась в руках оседлавшей торговые пути правящей верхушки последней, создавая экономическую основу ее власти. Об этом свидетельствуют не только весьма многочисленные в Юго-Восточной зоне монетные клады X в., семь из которых содержали обрезанные в кружок по местной весовой норме дирхемы, но и результаты «перераспределения» этих средств: мощные, в том числе на каменной основе (Горналь, Каменное, Ницахи, Журавное) укрепления, большие наземные роменские дома (Новгород-Северский, Хотылево и др.), богатый и разнообразный, специфический для данной территории, набор чисто серебряных украшений (по инерции северяне XI — первой половины XII в. также сохраняют эту традицию, как и запасы серебра для украшений). Набор этот отличается чистотой серебра не только от других групп восточных славян, но и от собственно поздне- и построменских сельских поселений, для которых более характерны балтские, скорее всего, по своим корням спиралевидные височные кольца¹³³.

Кроме вполне очевидных на этих примерах функций самообеспечения правящего слоя, последний должен был также организовывать защиту нового потестарно-политического организма от печенегов на южных, от русов (киевских, черниговских, смоленских) — на западных рубежах, обеспечивать нормальное функционирование путей по Дону и Оке. Кстати, возможно, потребность в «обходном» движении потребовалась в связи с угрозой прямому Волжскому пути из Хазарии в Волжскую Болгарию, земли мордвы, мери, веси со стороны печенегов и гузов: и в этом аспекте знать рассматриваемого потестарно-политического организма выполняла своего рода международные обязательства (имея и свою выгоду), поддерживая данный «мост». Инте-

димира на вятичей и радимичей хронологически тесно связаны с походами на Дунайскую и Волжскую Болгарию.

¹³³ *Шинаков Е.А.* Еще раз о лучевых височных кольцах и их этнокультурной принадлежности // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроуя. Магілеў, 1995. Ч. I.

ресно, что после присоединения юго-восточных северянских и вятичских земель, русы сохранили этот путь, только начинался он уже не в Хазарии, а в Киеве.

О наличии полюдяя прямых данных нет. Однако отсутствие четко выраженного археологически административного центра-резиденции можно объяснить не только конфедеративным устройством. Сопоставление проводится со славянскими державами, находившимися под воздействием и «степных», и германских потестарных (политических) культур, институтов и структур одновременно. Это прежде всего Великая Моравия, возникшая на стыке Каролингской империи с Аварским каганатом. Кочевые ставки последнего, связанные с образом жизни и хозяйства, отчасти религиозными связями государя и подданных, сочетаются с «кочующим» имперским двором, перемещающимся между городами и имениями. В Великой Моравии, в итоге, — аналогичная ситуация (объезд «градов» со всей дружиной, кроме постоянных гарнизонов). Для гипотетичного северяно-вятичского и отчасти радимичского протогосударства в качестве образца мог выступать кочевой образ жизни болгарских ханов и сезонные перекочевки хазарского двора.

Добавим к этим особенностям военно-ранговую дифференциацию болгаро-алан, перенятую, впрочем, судя по данным археологии, не только и не столько северянами¹³⁴, сколько русскими дружинниками (в противовес внутреннему «демократизму» варяжских отрядов). Эту же «ранговость» и ее внешние атрибуты переняла и великоморавская (затем чешская и польская) дружина, скорее всего, от аваров.

Границы этого образования на севере проводятся по верховьям Оки (включая Супруты) и Дона, в пограничную территорию с финно-уграми под властью варяго-русов¹³⁵ попадает (и маркирует ее) знаменитый Железницкий (Зарайский) клад, в котором сочетаются предметы роменско-боршевского, салтовского, муромско-мордовского, приуральского, венгерского, восточного (мусульманского) происхождения. Впрочем, на севере границы не очень четкие из-за проникновения славян в финно-угорские земли по Оке. На Востоке граница совпадает с пределами боршевской культуры и проходит в междуречье Дона и Волги. На Юго-Востоке они размыты островками алано-болгарского населения на Северском Донце, возможно инкорпорированном в со-

¹³⁴Во время кризиса каганата и вторжения печенегов, на рубеже IX–X вв., значительные массы алано-болгар отступили в вятичские леса (*Винников А.З.* Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984)..

¹³⁵А в середине — второй половине X в., возможно, и Волжской Болгарии.

став данного объединения. Южная — отграничена удобными для защиты от печенегов водными рубежами (верховьями и средним течением Ворсклы, средним течением Псла, низовьями Сулы, где стыкуется с русской крепостью Воишь). Западная граница в деталях «читается» в Подесенье, где иногда между черниговской Русью и позднероменской культурой пролегает несколько десятков километров незаселенного пространства¹³⁶ либо имеются противостоящие друг другу крепости в непосредственном соседстве.

Отсюда начинается особая, переходная между Юго-Восточной и Центральной зонами, территория. Наибольшую сложность по конфигурации представляет северо-западный участок границы от Десны до Ипути и Беседы, в который с юга на глубину до 75 км клином вдается территория «Росии» Константина Багрянородного, характеризующаяся многочисленными кладами «северной» системы, шестовицкой керамикой, предметами вооружения скандинавского происхождения, чуть позднее — камерными захоронениями. Стержнем клина является р. Снов, северо-восточнее его верховий — Стародубское ополье, входившее в состав особой военно-административной единицы Руси — «Сновской тысячи», имеющей выраженные археологически и топонимически поселения «служебной организации». К таковым, вероятно, относится и село Рогове на Судости, разрывающее цепочку роменских поселений на р. Судость. Вероятно, до кризиса «большого полюдья» в середине X в. оно являлось одним из его станов, аккумулировавших дань с северян, радимичей, вятичей и одновременно разделявших их территории. К востоку от «Пути», в расположенных на правом берегу Десны Вара-Судостьском, Трубчевском и Брянском опольях, размещаются «чистые» северяне, несколько «разбавленные» вятичами и радимичами, к северо-востоку — вятичи (на Болве) и кривичи, к западу (на Ипути) — радимичи.

Восточная часть последних, судя по топографии кладов, наличию северянских и вятичских древностей (Пеклино, Ляличи, Людково), относилась к зоне хазарской дани, затем предполагаемому северянско-вятичскому протогосударству. Его юго-восточная (со «Сновской тысячей»), северная и южная границы совпадают с этнокультурными рубежами радимичей конца X–XII в., прохождение западной границы, рассекающей их территорию с севера на юг — тема для дальнейших исследований. Сейчас можно провести границу «диких» (или подчи-

¹³⁶Вероятно, то же самое было и к югу от Десны: естественным пограничьем служили солонцеватые почвы по Удаю (между Сулой и Трубжем), куда затем были поселены переяславские торки и черные клобуки.

ненных Киеву со времени Олега) и «хазарских» радимичей по линии Стародединский клад на р. Остер — Ивановка (Лотаки) на Беседы — район Новозыбкова (безымянный клад). В любом случае, собственно Посожье в восточный регион не входило. Это подтверждается и наличием двух основных групп концентрации курганов с этноопределяющими украшениями, разделенных «пустотой» между Беседью на востоке и Сожем на западе, смыкающихся лишь на юге, в Гомие с его роменским слоем¹³⁷.

Достаточно большая точность определения границ Руси и их совпадение с позднепроменской культурой и ранними этнокультурными радимичами X в. в междуречье Ипути и Десны базируется не только на археологических и нумизматических, но и современных (XIX–XX вв.) этнографических и лингвистических материалах¹³⁸, а также физико-географическом районировании. В последнем случае автор исходит из неоднократно апробированного полевыми материалами допущения, что этнокультурные и потестарно-политические границы в основном совпадают с микрогеографическим членением и не пересекают единый ландшафтный микрорегион¹³⁹ «поперек».

Значение подобного рода, возможно, излишне скрупулезной для целей нашего исследования, «демаркации» границ в том, что она лишь раз свидетельствует в пользу территориально-политического, а не этнокультурно-регионального характера рассматриваемого протогосударства. Так, на севере в него могли входить финно-угорские элементы (рязанско-окские могильники, зона Железницкого клада), на юге-востоке — алано-болгарские. С одной стороны, в его состав инкорпорировалась лишь часть этнически и, вероятно, религиозно единых радимичей¹⁴⁰, последние, таким образом, оказываются разделенными между Центральной зоной потестарности и Юго-Восточной. С другой стороны, Подесенье и междуречье Десны и Ипути обра-

¹³⁷ Шинаков Е.А. Население междуречья Десны и Ворсклы.

¹³⁸ Используются данные о зонах материальной культуры (декор наличников и рушников, костюм) (А.Н. Проскоченко, А.М. Дубровский) и членение Брянской области и сопредельных зон Украины (*Батожок Н.И.* Диалектный словарь как источник лингвогеографического изучения региона // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л., 1986).

¹³⁹ Микрорегион (ополье, предополье, предполесье, лесной массив в лесостепи и т. д.) по своим размерам (обычно несколько сот кв. км) в археологическом плане совпадает с группой концентрации памятников, в потестарном — с племенем и городской волостью. Гнезда поселений внутри него (или отдельные поселения, например, для «восточных территорий») могут соответствовать «миру» или погосту. Набор же микрорегионов-волостей может быть самым различным и меняться, как в мозаике.

¹⁴⁰ Возможен, но вряд ли вероятен и иной вариант: расселение радимичей в Посожье из восточной части их территории через Гомий под давлением хазар, затем русов.

зует для X–XI вв. такой сложный этнокультурный¹⁴¹ и потестарно-политический калейдоскоп, что вполне может быть выделено в особый, «буферный» между несколькими зонами регион. Именно в нем, наряду со Средним Поочьем (Супруты), верхним течением р. Псел (Горналь) и курским Посемьем хорошо прослеживается пятый этап — ликвидация независимости северян, радимичей и части вятичей и начало «государственного освоения» их территорий (середина 60-х гг. X в.¹⁴² — середина XI в.). Этот этап хорошо освещен археологически и нумизматическими источниками, находящими полное соответствие в данных летописи, однако относится уже не к истории додревнерусских потестарно-политических организмов, а к процессу создания территориальной базы самого Древнерусского государства. Примечательна лишь длительность и «этапность» данного процесса на Левобережье, в Юго-Восточной зоне, что свидетельствует о силе сопротивления живших здесь «племен» и относительной прочности¹⁴³ созданного ими потестарно-политического организма и его отдельных суборганизмов.

Юго-Западная зона потестарности является славянской, с некоторым влиянием фракийского субстрата в Карпатах. К моменту начала древнерусских государствообразовательных процессов (середина IX в.) она, в отличие от остальных регионов, имела значительные собственные потестарные традиции (государство «Валинана» по ал-Масуди, отождествляемое с «державой дулебов» по В.В. Седову и Н.И. Милютенко, за которым скрывались не только волыняне, но и древляне, дреговичи и даже поляне¹⁴⁴. Принадлежащая им культура

¹⁴¹К уже перечисленным компонентам добавим словенских переселенцев на Болве и балтов, наследников колочинской и носителей тушемлинской культур в промежутках между славянскими этнокультурными группами, а также остатки ирано-тюркского населения на левобережье Десны (особенно в Севском участке лесостепи).

¹⁴²Первый поход (Святослава в 964 г.) проходил, скорее всего, по старому пути «Большого полюдья» по Снови — Вабле — Судости — Десне с выходом на Оку через Болву либо Снежить из Брянского ополья. Либо, если в Чернигове правили независимые от Святослава, хотя и варяго-русские династии, то через Смоленск (Гнездово), далее к Оке либо по «Волжскому пути», либо по Десне к тому же Брянскому ополью.

¹⁴³Достаточно сказать, что оно пережило своего потенциального союзника — Хазарию, и было покорено лишь после нескольких отсекающих и рассекающих ударов трех князей — Святослава, Ярополка и Владимира. И то часть вятичей сохранила независимость до середины XII в., а северяне пользовались любой возможностью для ее восстановления (приход в 1024 г. Мстислава из хазаро-русской Тмутаракани с хазарско-косожской дружиной) и ответные меры Ярослава после его смерти, вызвавшие опустошение северянского Посеймья) и отход их в лесостепь («Восточные территории» и Донец) и леса Севера, а также их искусственное расселение в глубинные растопы государства и пограничные крепости.

¹⁴⁴*Седов В.В.* Восточные славяне. С. 90–93; *Милютенко Н.И.* Древлянская земля в IX–XI вв. // *Старожитності Південної Русі. Чернівці, 1993. С. 163.*

луки-райковецкой, в отличие от роменско-боршевской, имеет прямое генетическое продолжение в общерусской христианской. Второй, более ранний по времени записи, но более поздний по описываемым реалиям пласт сведений принадлежит восточным авторам первой традиции (Ибн Русте, Гардизи, ал-Марвази, Худуд ал-Алем) сведения которых, по А.П. Новосельцеву, восходят друг к другу с некоторыми дополнениями, а в конечном итоге — к автору 40-х — 50-х гг. IX в. Муслиму ал-Джарми и отражают реалии этого и чуть более раннего времени¹⁴⁵. По вопросу соотношения литературного описания с конкретными реалиями есть разные точки зрения: общеславянские реалии (Ф. Вестберг, К. Кмитович), великоморавские (Дж. Тржештик, Б. Достал), зличанско-хорватские и краковско-хорватские (Й. Маркварт, Т. Левицкий). Мы исходим из уже высказанного допущения, что если эти описания все же касаются восточных славян, то Юго-Западной зоны. Есть два исторических источника по данной проблеме: описание иерархически организованного дружинного государства со столицей (Джарваб), крепостями, наместниками и «правителями по окраинам своих владений», полюдьем и судебными функциями «главы глав»; древности Великой Моравии, в целом перекликающиеся со сведениями первого источника. Перед нами — потестарно-политический организм «среднеевропейской модели».

Археология вносит следующие дополнения в структуру и динамику развития потестарности в Юго-Западной зоне. Четко выделяется три периода этого процесса. Первый из них (VII–VIII в.) характеризуется наличием гнезд поселений с культовым центром и городищем-убежищем. Явственно выделяется лишь один протогород с сильными укреплениями, длинными домами для дружины, предметами вооружения и конской упряжи — городище Зимно на Волыни, сопоставимое со столицей легендарной Валинаны, погибшей от нападения аваров. Здесь встречены элементы «единой европейской дружинной культуры».

Второй период (IX в.) наиболее четко прослеживается на хорватской территории (Северная Буковина), отчасти в земле древлян. В Прикарпатье выделяется семь административных центров¹⁴⁶ с унифицированными укреплениями, включающими башни, длинные дома, с развитым ремеслом, обслуживавшим, вероятно, не только общину, но и дружину, также представленную на этих городищах. Среди

¹⁴⁵ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Новосельцев А.А. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 392.

¹⁴⁶ Тимошук Б.А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 30.

них размерами и наличием посада и неподалеку отдельного культового центра (или дружинного лагеря, в зависимости от интерпретации длинных домов), выделяется одно — Добрыновцы на правобережье Среднего Днестра.

Третий период (X — начало XI в.) начинается с пожаров на некоторых хорватских (рубеж IX–X в.) и древлянских (начало — середина X в.) городищах. Их заменяют менее многочисленные, но более сильно укрепленные, хотя и меньшие по размерам «княжеские крепости», зачастую на месте старых «административных центров» (Ровно, например). Парадоксально, но только в X в. возникает общехорватский языческий культовый центр на р. Збруч, состоящий из трех городищ-святилищ¹⁴⁷.

Археологически фиксируемая система поселений IX в., по крайней мере, в хорватских землях («грады» — крепости и столичный город) сопоставляется как с описанием государства славян со столицей в Хорбаде, так и со структурой системы управления Великой Моравией; при наличии формальной столицы (Велеграда) князь с дружиной не жил в ней постоянно, а объезжал «грады», где к его приезду собиралась дань и припасы для прокорма дружины, размещавшейся в специальных «казармах» (длинных домах в данном случае). Даже если Ибн Русте и его последователи писали о Великой Моравии, а не карпатской Хорватии, то в плане организации власти, отраженной в топографии поселений, последняя аналогична первой.

Что касается изменения характера хорватских городищ и пожаров на некоторых из них на рубеже IX–X в., то при всей сложности их интерпретации ясно одно: их вряд ли можно связывать напрямую с присоединением хорватов к Руси. Во-первых, сведения об этом отсутствуют в письменных источниках до 992 г., в том числе у Константина Багрянородного, хотя он пишет о северных хорватах, перечисляет «пактиотов» России, в том числе соседей хорватов «вервианов» (древлян) и «лендзян» (волян?). Во-вторых, с покорением древлян в 883 г. связывается установление фиксируемого покладам рубежа IX–X вв. торгового пути по Припяти на запад через землю волян (лендзян?)¹⁴⁸, в обход княжества хорватов. С учетом целей завоева-

¹⁴⁷ *Русанова И.П., Тимоцук Б.А.* Древнерусское Поднестровье. Ужгород, 1981. С. 59–60. Это косвенно свидетельствует об отсутствии сакрально-магических функций у князей Юго-Запада, т. к. после замены их на Рюриковичей отправление местных культов не только не прекратилось, но и приобрело даже материально более выраженные формы.

¹⁴⁸ Существует точка зрения Н.И. Милютенко о потестарном единстве древлян и волян (а также дреговичей) со времен гибели Валинаны, археологически отображенном пожаром городища Зимно конца VIII в.

ний русских князей того времени (контроль над торговыми путями), завоевание Карпат не было необходимым. Если не предполагать также венгерское вторжение в Паннонию и Великую Моравию или чуть более раннюю экспансию последней (или восстание против ее гарнизонов), а об этом нет никаких свидетельств, то остаются внутренние причины. С учетом результата — строительство княжеских крепостей — можно предположить с наибольшей долей вероятия конфликт княжеской власти «федерального» уровня с племенными князьями-вождями, старшинами-аристократами, самоуправляемыми общинами (в зависимости от формы власти в том или ином гнезде поселений)¹⁴⁹.

Внешнее воздействие могло использоваться лишь в своего рода демагогических целях — необходимости сплоченности под властью одного правителя для отпора внешнему врагу, либо потребностям сбора дани в пользу вышестоящего сюзерена с использованием, возможно, воинских контингентов последнего. Не могло не повлиять на усиление независимости «федеральной» правящей верхушки от «общества» и (правда, возможно, легендарное¹⁵⁰) участие первой в походах Руси на Византию (получение независимого от общества избыточного продукта).

То же самое можно сказать и о Восточной окраине Юго-Западной зоны — земле древлян, за исключением абсолютно точной увязки пожаров и прекращения жизни на некоторых ее городищах с походом Игоря 913 г. либо «мстью Ольги» в 946 г. Именно в связи с последним событием летопись достаточно подробно описывает потестарное устройство княжества древлян с его иерархией представителей власти: «федеральный» князь Мал, возможно, племенные князья («а наши князья добры суть»)¹⁵¹, «лучшие» и «нарочитые» мужи, старейшины градов. Последний термин означает категорию людей, причастных к управлению, глав (иногда даже князей) какой-либо территории или организации, а не возрастную группу, пусть даже в силу авторитета обладающую некоторыми властными функциями («старцы»).

Разность терминов может свидетельствовать о том, что древлян-

¹⁴⁹И.П. Русанова и Б.А. Тимошук выделяют три типа центров таких гнезд (всего свыше 20): городища-административно-хозяйственные центры; городища-убежища; селища-общинные центры (последние — в меньшинстве). В шести случаях первый тип сочетается с городищем-святилищем, в одном — с городищем-убежищем. В одном случае (Бабин) центром гнезда было городище-святилище.

¹⁵⁰Не исключено перечисление в составе войска Олега всех подвластных Руси к XII в. земель с целью придания ореола древности, легитимности этой власти.

¹⁵¹Не исключено, однако, что древлянские послы имели в виду просто предшественников Мала на древлянском княжеском столе.

ская потестарность была достаточно сложной, аналогичной хорватской до событий рубежа IX–X в. В ней могли перекрещиваться старые ветви власти аристократически-родового происхождения, являвшиеся представителями общества (старейшины градов) и стоявшие уже над последними князь Мал и его «мужи» разных категорий (именно они как бы идеализируют древлянских князей при дворе Ольги — «иже распасли суть Деревьску землю»). По сути, это, в иных терминах, отражение патриархального характера власти и отношений реципрокности между ней и обществом. Однако эти слова княжеских мужей — декларация, рассчитанная на внешнего потребителя (Ольгу в данном случае), к тому же легендарного характера.

Однако в сочетании (затем в конфликте) на определенном (обычно переходном от вождества к раннему государству) этапе развития потестарности аристократически-родовых и военно-вождестских тенденций — явление достаточно обычное. Очевидно, разные фазы этого этапа и были представлены во всей Юго-Западной зоне в целом.

Итак, при всем типологическом различии отдельных позднепотестарных и потестарно-политических организмов Восточной Европы IX–X вв., иногда реально, иногда достаточно условно группирующихся в 5–6 зон потестарности, в среднем они соответствуют если не по форме, то по этапу «вождеств». Некоторые из них еще до Древнерусского государства образовывали неустойчивые союзы потестарных организмов, имели княжескую власть, другие оставались на уровне племенных вождеств или даже акефальных обществ, находившихся в сфере влияния различных политических культур, имевших разнонаправленные внешнеторговые связи и формы потестарности. Объединение их к концу X в. в относительно единое и консолидированное государство — заслуга русов (росов, руси), которые к середине — концу IX в. вряд ли сами стояли выше многих своих будущих «пактиотов» — подданных.

ЛИТЕРАТУРА

Ауліх В.В. Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI–VII ст. в Західній Волині. Київ, 1972.

Афанасьев Г.Е. Донские аланы. М., 1993.

Ахромеев Л.М. Генезис, история развития и хозяйственного освоения ландшафтов ополей центральной России. Воронеж, 1985 (Деп. ВИНТИ, № 5540–85, УДК 911.53).

Багновская Н.М. Сложные вопросы этнической истории летописной Северы (постановка проблемы) // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. VIII.

Баранов И.А., Майко В.В. Среднеднепровские элементы в культуре населения раннесредневековой Таврики // Старожитності Русі. Київ, 1994.

Барац Г.М. Происхождение летописного рассказа о начале Руси. Киев, 1913.

Батожок Н.И. Диалектный словарь как источник лингвогеографического изучения региона // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л., 1986.

Белецкий С.В. Культурная стратиграфия Пскова // КСИА. 1980. Вып. 160.

Белецкий С.В. Некоторые итоги археологического изучения Псковского городища // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1980.

Белков П.Л. «Эпос миграций» в системе атрибутов традиционной власти // Символы и атрибуты власти. СПб., 1993.

Богомольников В.В. О близости радимичей, вятичей и северян // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.

Бондаренко Д.М. Привилегированные категории населения Бени на кануне первых контактов с европейцами // Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. М., 1993.

Бочаров В.В. Социально-политическое управление и общественные традиции (на примере Тропической Африки) // Этнические аспекты власти. СПб., 1995.

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.

Быков А.А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974.

Валеев Г.К. Антропонимия «Повести временных лет»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982.

Вейсберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. 1908. Февраль. С. 364–412; Март. С. 1–52.

«Великая Хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987.

Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

- Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в. Москва; Иерусалим, 1997.
- Голубева Л.А.* Литейное дело на поселении Крутик в Белозерье. М., 1991.
- Голубева Л.А.* О дате поселения веси на Белом озере // КСИА. 1965. Вып. 104.
- Горина Л.В.* Византийская и славянская хронография (существовали болгарский хронограф?) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991.
- Григорьев А.В.* О границе Руси и Северы в Подесенье // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернігів, 1993.
- Григорьев А.В.* О роменской и древнерусской керамике на Левобережье Днестра // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.
- Григорьев А.В.* Сосница и Роменско-Русское пограничье в X в. // Минуте Сосниці та її околиць. Чернігів, 1990.
- Гуревич А.Я.* История и сага. М., 1972.
- Дегтярев А.Я.* О влиянии средневековых городских центров на формирование сельской округи // Город и государство в древних обществах. Л., 1982.
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги Восточной Европы (первая треть XI в.). М., 1994.
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги Восточной Европы (с древнейших времен до 1000 года). М., 1993.
- Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987.
- Завадская С.В.* К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках XI–XII вв. // ДГ. 1987 г. М., 1989.
- Зайцев А.К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.
- Зайцев В.В.* О топографии кладов куфических монет X в., обращенных в кружок // Кр. тез. докл. нумизматической конференции «Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности». СПб., 1992.
- Зоценко В.Н., Моця А.П.* Среднее Поднепровье в системе прибалтийских связей конца — первой половины II тыс. // From Vananginans to Greeks, Problems of Cultural Interaction in the Medieval World. М., 1996.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М, 1960.
- Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт древней России (1847) // Наш умственный строй. М., 1989.

- Качакова Н.Б.* Рождение африканской цивилизации: Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея. М., 1986.
- Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1.
- Ковалевский М.М.* Генетическая социология. СПб., 1910.
- Ковалевский М.М.* Происхождение семьи, рода, племени, государства и религии // Итоги науки в теории и практике. М., 1914. Т. 10.
- Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка // Открытие Хазарии. М., 1996.
- Коковцов П.К.* Новый европейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X в. // ЖМНП. 1913. XLVIII. Ноябрь.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991.
- Корзухина Г.Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье // САИ. Л., 1978. Вып. 41–43.
- Котляр Н.Ф.* О социальной сущности Древнерусского государства IX — первой половины X в. // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995.
- Кочуркина С.И.* Юго-Восточное Приладожье в X–XIII в. М., 1973.
- Кропоткин В.В.* Новые материалы по истории денежного обращения Восточной Европы в конце VIII — первой половине IX в. // Славяне и Русь. М., 1968.
- Куза А.В.* Большое городище у с. Горналь // Древнерусские городища. М., 1981.
- Кулаков В.И.* Пруссy (V–XIII вв.). М., 1994.
- Лаптева Л.П.* Вымысел и фальсификация в чешских хрониках XII–XIII вв. // ВЕДС. М., 1993.
- Латишин В.А.* Ранняя дата Владимирских курганов // КСИА. 1981. Вып. 166.
- Лебедев Г.С.* Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989.
- Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978.
- Леонтьев А.Е.* Археологические памятники ростовской мери // Проблемы изучения древнерусской культуры. М., 1988.
- Леонтьев А.Е.* Волжско-балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. 1986. Вып. 183.
- Леонтьев А.Е.* Поселения мери и славян на озере Неро // КСИА. 1984. Вып. 179.

- Леонтьев А.Е., Сидоров В.В., Исланова И.В.* Волго-Окская экспедиция в 1977–1983 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188.
- Литаврин Г.Г.* Политическая история Византии с середины VII до начала XIII в. // Культура Византии. Вторая половина VII–XIII в. М., 1989.
- Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. М., 1983.
- Макушиников О.А.* Основные этапы развития летописного Гомия (до середины XII века) // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990.
- Маркарян Э.С.* Об основных принципах сравнительного изучения истории // ВИ. 1966. № 7.
- Маскаев А.И.* Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964.
- Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986.
- Мельникова Е.А.* К вопросу о характере исторической информации в древнескандинавских письменных источниках // ВЕДС. 1990.
- Мельникова Е.А.* К типологии предгосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995.
- Мельникова Е.А., Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н.* Древнескандинавские письменные источники по истории Европейского региона СССР // ВИ. 1985. № 10.
- Метельский А.А.* Становление Посожских городов Смоленской земли // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.
- Милютенко Н.И.* Древлянская земля в IX–XI вв. // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.
- Мишулин А.В.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. // ВДИ. 1941. № 1.
- Модестов Ф.Э.* Амулеты-коньки и культ богини плодородия // Деснинские древности. Брянск, 1995. Вып. 1.
- Москаленко А.Н.* Славяне на Дону (борщевская культура). Воронеж, 1981.
- Моця А.П.* Новые сведения о торговом пути из Булгара в Киев // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев, 1985.
- Моця А.П., Халиков А.Х.* Булгар — Киев. Пути — связи — судьбы. Киев, 1997.
- Мугуревич Э.С.* Значение Днепро-Даугавского пути на территории Латвии // Історія Русі-України. Київ, 1998.
- Мыльников А.С.* Отзвуки легенды о Палемоне в русском Хронографе // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1997. Вып. 6–7.

- Назаренко А.В.* К вопросу об отражении древнерусского права в договорах Руси с Византией X в. // ВЕДС. М., 1997.
- Назаренко А.В.* Происхождение древнерусского денежного счета // ДГ. 1994 г. М., 1996.
- Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. // ДГ. 1991 г. М., 1994.
- Нахапетян В.Е., Фомин А.В.* Граффити на куфических монетах, обнаруженных в Европе в IX–X вв. // ДГ. 1992 г. М., 1995.
- Новик Т.В., Шевченко Ю.Ю.* Княжеская династия Чернигова и киевские Рюриковичи // Деснинские древности. Брянск, 1995. Вып. 1.
- Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // *Новосельцев А.А. и др.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Новосельцев А.П.* Образование Древнерусского государства и его первый правитель // ВИ. 1991. № 2–3.
- Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов Е.Н.* Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. // КСИА. 1981. Вып. 164.
- Окладникова Е.А.* Миф как символ власти // Символы и атрибуты власти. СПб., 1993.
- Падин В.А.* К истории славян Подесенья // Деснинские древности. Брянск, 1995. Вып. 1.
- Панеш Э.Х.* Традиции в политической культуре народов Кавказа // Этнические аспекты власти. СПб., 1995.
- Паицто В.Т.* Новое в изучении Древней Руси // Преподавание истории в школе. 1973. № 5.
- Перхавко В.Б.* Украшения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // Вестник МГУ. История. 1978. № 2.
- Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской. М., 1997.
- Петрашенко В.А.* Волынцевская культура в Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990.
- Петрухин В.Я.* К проблеме формирования «Русской земли» в Среднем Поднепровье // ДГ. 1987 г. М., 1989.
- Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси: IX–X вв. М., 1995.
- Петрухин В.Я.* Походы Руси на Царьград: к проблеме достоверности летописи // ВЕДС. М., 1997.
- Петрухин В.Я.* Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995.

- Петрухин В.Я.* Три центра Руси: фольклорные истоки и историческая традиция // Художественный язык средневековья. М., 1982.
- Петрухин В.Я., Пушкина Т.А.* К истории древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. М., 1989.
- Плетнева С.А.* Хазары. М., 1976.
- Поляков Г.П., Шинаков Е.А.* Летописный Рогов // Любецкий 3' изд князів 1097 року в історическій долі Київської Русі. Мат-лы междунар. историко-археологич. конф., посвященной 900-летию I съезда русских князей в Любече. Київ, 1997.
- Попов В.А.* Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках. М., 1990.
- Прицак О.И.* Два етюди з нумізматики Київської Русі // Історія Русі — України. Київ, 1998.
- Приймак В.В.* Протоміські центри роменської культури та їх округа у верхів'ї Ворскли, середній течії Псла та Сейму // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми та перспективи. Суми; Ромни, 1990.
- Приймак В.В.* Роменська культура в Межиріччі Десни і Ворскли: Дискусійні питання, нові матеріали. Полтава; Суми, 1997.
- Приймак В.В.* Територіальна структура Межиріччя Середньої Десни і Середньої Ворскли VIII — поч. IX ст. Суми, 1994.
- Прокопий из Кесарши.* Война с готами. М., 1950.
- Пряхин А.Д.* Археология и археологическое наследие. Воронеж, 1995.
- Ронин В.К.* Самосознание карантанской и ободритской знати // Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1988.
- Ронин В.К., Флоря Б.Н.* Государство и общество у полабских и поморских славян // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991.
- Русанова И.П.* Славянские древности VI–VII вв. М., 1976.
- Русанова И.П., Тимощук Б.А.* Древнерусское Поднестровье. Ужгород, 1981.
- Русанова И.П., Тимощук Б.А.* Языческие святилища древних славян. М., 1993.
- Рыбаков Б.А.* Древние русы // СА. 1953. № 17.
- Рыбаков Б.А.* Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси // Проблемы возникновения феодализма на Руси. М., 1969.

- Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. // ДГ. М., 1978.
- Седов В.В.* Восточнославянские племенные образования и земли Древней Руси // ВЕДС. М., 1998.
- Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- Седов В.В.* Итоги археологического изучения Изборска // Археологическое изучение Пскова. 1983.
- Седов В.В.* Начало славянского освоения территории Новгородской земли // История и культура древнерусского города. М., 1989.
- Седов В.В.* Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // КСИА. 1981 Вып. 166.
- Седов В.В.* Очерки по истории и археологии славян. М., 1994.
- Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
- Седов В.В.* Работы в Изборске в 1984 г. // АИП. 1985.
- Седов В.В.* Русский каганат IX в. // ОИ. 1998. № 4.
- Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
- Седов В.В.* Этнокультурная дифференциация славян в период великого переселения народов // Славяне и их соседи. Межславянские взаимоотношения и связи. М., 1999.
- Сенаторский Н.П.* Историко-географический очерк Курского края // Вестн. Курского губисполкома. 1923. № 16–17.
- Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993.
- Смирнов А.П.* Древняя Русь и Волжская Болгария // Славяне и Русь. М., 1968.
- Соболева Е.С.* Традиции в системе власти на острове Тимор // Этнические аспекты власти. СПб., 1995.
- Стеблин-Каменский Н.И.* Мир саги. Л., 1971.
- Стеблин-Каменский Н.И.* Примечания к «Старшей Эдде» // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.
- Стороженко А.В.* Очерки Переяславской старины. Киев, 1990.
- Тарасау С.В.* Сацьцяльна-гісторычная тапаграфія Полацка X–XVIII ст. // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1997. № 12.
- Тимошук Б.А.* Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995.
- Толочко О.П.* «Князь-робичич» та «король-орач»: східноєвропейські па-ралелі до давньоруських генеалогічних легенд // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.
- Толочко П.П.* Русь і Хазарія // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.

Тржешитик Д. Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.

Трубачев О.Н. В поисках единства. М., 1992.

Турилов А.А. Византийские и славянские пласты в «Сказании инок Христодула» // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6.

Уманец А.Н., Шевченко Ю.Ю. Причерниговские памятники начала эпохи Великого переселения народов // Архітектурні та археологічні старожитності Чернігівщини. Чернігів, 1992.

Флоря Б.Н. Формирование государственности и зарождение политической мысли у славянских народов // Очерки истории культуры славян. М., 1996.

Фомин А.В. Топография восточноевропейских кладов с дирхемами конца IX — начала X вв. // ВЕДС. М., 1993.

Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979.

Херрман Й. К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» // Древности славян и Руси. М., 1988.

Цукерман К.А. Византия и Хазария в середине X в.: проблемы хронологии // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6.

Чалых Н.Е. Археологическое изучение Мурома // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1985.

Шинаков Е.А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X — начале XIII в. (этнокультурный аспект) // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991.

Шинаков Е.А. «Русы» и «славяне» IX в.: контент-анализ восточных источников // VI Международный конгресс славянской археологии. М., 1990.

Шинаков Е.А. Археологические работы в Брянской области в 1988–1989 годах // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. Чернігів, 1995.

Шинаков Е.А. Брянский участок пути «Большого полюдья» X века // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. М., 1986.

Шинаков Е.А. Влияние процесса «государственного освоения» на экосистемы Среднего Подесенья // Экологический опыт человечества: прошлое в настоящем и будущем. М., 1995.

Шинаков Е.А. Два уровня государственности Древней Руси // Актуальные проблемы истории и филологии. Измаил; Брянск, 1993.

Шинаков Е.А. Демография и этнография междуречья Десны и Ворсклы в конце X — первой половине XIII в. (Депонировано 29.12.1980 в ИНИОН АН СССР. № 6673).

Шинаков Е.А. Дружинная культура и русско-северянское противостояние в Брянском Подесенье // Чернігівська земля у давнину і середньовіччя. Київ, 1994.

Шинаков Е.А. Еще раз о лучевых височных кольцах и их этнокультурной принадлежности // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроуя. Магілеу, 1995. Ч. I.

Шинаков Е.А. Захоронения I тысячелетия нашей эры на городище у с. Случевск // Культуры Восточной Европы I тысячелетия н. э. Куйбышев, 1986.

Шинаков Е.А. К вопросу и антропологических границах Стародубского ополья в конце X — XII в. // Археологические исследования в Центральном Черноземье в XII пятилетке. Белгород, 1990.

Шинаков Е.А. Керамический комплекс севера «Русской земли» и возможные источники его заселения // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини. Київ, 1991.

Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 1980. № 3.

Шинаков Е.А. Курганная группа у села Пеклино // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1993.

Шинаков Е.А. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X — первой половине XIII века. Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. М., 1980.

Шинаков Е.А. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X — первой половине XIII века: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1981.

Шинаков Е.А. Нетрадиционные источники по реконструкции процесса формирования древнерусской государственности // Отечественная и всеобщая история, методология, источниковедение, историография. Брянск, 1993,

Шинаков Е.А. О характере размещения населения на пограничье степи, лесостепи и леса в древнерусскую эпоху по материалам Левобережья Днепра // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. 1996. № 8.

Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002; М., 2009.

Шинаков Е.А. Опыт экологической классификации территорий юго-востока Древней Руси // Археология и история Юго-Восточной Руси. Курск, 1991.

Шинаков Е.А. Освоение ополей Брянского Подесенья в X–XIII века // Брянские ополья: природа и природопользование. М., 1991.

Шинаков Е.А. От пращи до скрамасака: На пути к державе Рюриковичей. Санкт-Петербург; Брянск, 1995.

Шинаков Е.А. Подесенья как историко-культурный регион // Деснинские древности. Брянск, 1995. Вып. 1.

Шинаков Е.А. Региональные различия в характере размещения населения в эпоху Древней Руси (опыт историко-географической характеристики) // Проблемы отечественной и всемирной истории. Брянск, 1998.

Шинаков Е.А. Русы IX — середины X в. (контент-анализ восточных источников) // Чтения памяти А.В. Арциховского. Москва; Новгород, 1988.

Шинаков Е.А., Григорьев А.В. О возможности существования государственности на территории позднероменской культуры X в. // Вівчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. Суми; Ромни, 1990.

Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н. О роли природно-географического фактора в освоении радимичами территорий Полесья // Песоченский историко-археологический сборник. Киров, 1995. Вып. 2. Ч. 2.

Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н. Стародубское ополье в IX–XII вв. // Археология. 1998. № 2.

Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н., Миненко В.В. Радимичи и вятичи на Десне // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 13. Мінск, 1998.

Шинаков Е.А., Зайцев В.В. Клады как источник по политической географии Среднего Подесенья в древнерусскую эпоху // Археология и история Юго-Востока Древней Руси. Воронеж, 1993.

Шинаков Е.А., Миненко В.В., Сафронов И.В. Города Черниговско-Смоленского пограничья: факторы и этапы развития // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. Суми, 1993.

Шинаков Е.А., Сарычева Т.Н. Кривичско-вятичско-радимичское пограничье // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1993.

Шинаков Е.А., Шмидт Е.А., Кондрашенков А.А. История крестьянства Западного региона РСФСР. Воронеж, 1991.

Шинаков Е.А., Ющенко Н.Е. Стародуб и его округа в конце X–XII вв. Проблемы социальной истории Европы, Брянск, 1995.

Шкунаев С.В. Герои и хранители ирландских преданий // Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991.

Щавелев А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.

Щавелев С.П. Этноним «северяне» и его историко-географические особенности в Курском Посеймье // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Западной России. Москва; Брянск, 1996.

Щавелева Н.И. Тенденциозность средневековой историографии (на примере хроники Винцента Кадлубка) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978.

Щеглова О.А. Проблемы формирования славянской культуры VIII–X вв. в Среднем Поднепровье. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1987.

Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.

Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin. P., 1975.

Bagby Ph. History and Culture. N.Y.; L., 1958.

Kmietowicz K. Die Titel der Slawenherrscher in der sog. «Anonymen Mitteilung», einer orientalischen Quelle Ende des 9. Jahrhunderts // Folia Orientalia. 1978.

László G. Études archéologiques sur l'histoire de société des Avars // Archeologia Hungaria. Budapest, 1955. T. XXXIV.

Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. Wrocław, 1977. T. II, cz. II.

Lietuvių liaudies menas. Vilnius, 1958.

Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig 1903.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена обзору потестарной и раннегосударственной специфики восточнославянских, балтских, финских, тюркских и аланских народов накануне образования древней Руси. Исследуются ключевые этнотерриториальные ареалы, где сложились оригинальные системы потестарности, на некоторых территориях наметилась тенденция к формированию государства. При типологическом и стадийном различии отдельных политических организмов Восточной Европы IX–X вв., их можно сгруппировать в 5–6 зон потестарности. В некоторых из них еще до древнерусского государства образовывались неустойчивые союзы потестарных организмов и появлялась княжеская власть. Другие оставались на уровне племенных вожеств или

даже акефальных обществ. Часть находилась в сфере влияния соседей, обладавших зрелой государственностью (Хазария, Моравия) или пассионарной экспансивностью (русы). Отдельное внимание в статье уделяется структуре власти и эволюции общественных отношений на Левобережье Днепра.

Ключевые слова: политогенез, вождество, Русь, раннее государство, славяне, восточнославянские племена, Хазарский каганат, Древнерусское государство, историческая археология, этноисторические реконструкции.

ABSTRACT

The article provides an overview of potestarian and early-state developments of East Slavic, Baltic, Finnish, Turkic peoples, and Alans on the eve of the formation of Ancient Rus'. The study deals with key ethno-territorial areas in some of which original systems of power came into being and in others a tendency to the formation of the state emerged. Despite typological and phased differences of political organisms of Eastern Europe in the ninth and tenth centuries, they can be grouped in 5 or 6 zones. In some of them unstable unions of potestarian organisms consolidated even before the formation of the Old Russian state and the appearance of princely power. Others remained tribal chiefdoms or even acephal societies. Still others developed under the influence of neighbours with mature statehood (Chazaria, Moravia) or passionate effusiveness (Ruses). Special attention is paid to the structure of power and evolution of social relations of peoples inhabiting territories on the left bank of the Dnieper.

Key words: politogenesis, chiefdom, early state, Slavic peoples, East Slavic tribes, the Chazar Chaganate, Old Russian State, historical archeology, ethno-historical reconstruction.